

Изабелла
КРОТКОВА

ЗАВЕЩАНИЕ с простыми условиями

15

15

16+

Изабелла Кроткова

Завещание с простыми условиями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64929976

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97151-6

Аннотация

Неожиданный ночной гость. Странное завещание. Таинственная квартира и старинный портрет на стене. Глаза человека на портрете смотрят так пристально, что кажется, будто он видит меня, следит за мной, играет со мной в какую-то зловещую игру. Его взгляд – страшный капкан. Его улыбка – паучья сеть, откуда не выбраться. Портрет смертельно опасен, но избавиться от него невозможно. Ведь это и есть главное условие моего умершего отца. Отца, которого я никогда не знала. Роман-дипломант Германского международного литературного конкурса "Лучшая книга года"– 2017 в номинации "Остросюжетная литература".

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	22
Глава третья	37
Глава четвертая	46
Глава пятая	57
Глава шестая	70
Глава седьмая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Изабелла Кроткова

Завещание с простыми условиями

Глава первая

Я никогда не знала своего отца. Моя мама не была замужем, и сколько я себя помню, мы с ней всегда жили вдвоем. Конечно, время от времени в ее жизни появлялись мужчины – мама очень красивая женщина – но, то ли ей просто не везло, то ли вечно мешали какие-нибудь обстоятельства, итогом любых отношений неизменно оказывалось одиночество. Об отце я никогда не спрашивала, только один раз, в раннем детстве. Никакого четкого ответа я не получила, но каким-то образом поняла, что эту тему лучше обходить стороной, что впоследствии и делала. Впрочем, с течением времени этот вопрос как-то сам собой почти перестал меня занимать, и лишь изредка бес любопытства, сидящий внутри, поднимал голову. Например, однажды, в день моего рождения, когда мне исполнилось четырнадцать лет, одна из маминых подруг, тетя Люба, взглянув на меня, наряженную и завитую, как кукла, невзначай произнесла «Бог мой, как такая

красавица и умница могла произойти от такого... Хотя следует признать, что он очень умен, в чем-в чем, а в уме ему не откажешь!»... Но тут же под столом произошло некое шевеление, созданное толчком маминой ноги в ногу тети Любы, и беседа плавно перешла на другую тему.

С тех пор прошло почти одиннадцать лет. Разговор об отце в моем присутствии больше не заводился, сам он ничем не давал о себе знать, и бес любопытства благополучно уснул. За это время я успешно окончила школу, потом институт, устроилась на работу в редакцию одной второсортной газеты и жила обычной жизнью современной молодой девушки. Впрочем, три года назад случилось еще одно важное событие. Маме наконец-то несказанно повезло. Подруги уговорили ее съездить отдохнуть в Испанию. Из Испании мама вернулась какая-то не такая, задумчивая и очень сентиментальная. Вскоре выяснилось, что на концерте в Барселоне она познакомилась с неким испанцем, потом стали раздаваться какие-то звонки, происходить долгие телефонные переговоры, курортный роман, вопреки ожиданиям, перерос в очень серьезные отношения, и вот уже два года мама живет на берегу Средиземного моря, замужем за знойным синьором Хоакином Родригесом, владельцем двух баров и одного отеля.

В нашей маленькой квартирке на окраине города я осталась одна.

Поначалу я очень тосковала, было непривычно возвращаться в пустой дом, оставшийся без маминой ауры, без за-

паха ее духов, без ее живого смеха, без ее вещей, занимавших почти весь шкаф, в котором после ее отъезда остались висеть только мои одинокие джинсы. Но потом жизнь постепенно вошла в свою колею, дом снова обрел потерянный на время уют, и сейчас я думаю, что все сложилось как нельзя лучше.

Сегодня я задержалась на работе допоздна: надо было срочно закончить статью. По стеклам окон колотил бешеный ливень. Обычно в дождь пишется легче, но, когда стрелки огромных часов на стене перевалили за девять, я решила, что статью допишу дома, и, повеселев от этого решения, выпив крепкого чаю, вышла из редакции в половине десятого и, проскользнув под проливным дождем в припозднившийся троллейбус, поехала домой.

Когда я подходила к дому, улица была темна и пустынна. Конечно, кому захочется шататься по городу в такую погоду, когда ливень хлещет по асфальту, высекая из него искры?

Держа под мышкой зонт, роясь в сумке в поисках ключей и проклиная всё на свете, я почувствовала какой-то терпкий пряный аромат. Не успев подумать, чем это так необычно пахнет, я ощутила, что аромат усилился, и услышала сзади приятный баритон:

– Ну наконец-то, фройлейн Марта! Долго же заставляете себя ждать!

Обернувшись, я увидела высокого брюнета с легкой проседью, в длинном черном плаще. От неожиданности я замер-

ла и перестала рыться в сумке. Брюнет мягко поторопил меня:

– Открывайте, открывайте, фройлейн Марта, я жду вас уже более двух часов, а в моем возрасте противопоказана сырая и промозглая погода.

Отыскав, наконец, ключи, я открыла дверь подъезда и стала подниматься по лестнице. Брюнет же подошел к дверце лифта, на мгновение обернулся, произнес:

– С вашего позволения! – и скрылся внутри.

Я чуть притормозила в недоумении.

Кто это такой? Незнакомый мужчина идет ко мне домой на ночь глядя... как странно он меня назвал – *фройлейн* Марта... А может, он все-таки не ко мне?

Но нет, он стоял на площадке, терпеливо меня ожидая.

– Я смотрю, вы по старинке ходите пешком, хотя давным-давно существуют лифты? – пригласил он меня вступить в беседу.

Я испытующе посмотрела на него.

– Целый день сидела на одном месте, да и после работы, как видите, прогуляться не удалось...

Зачем я перед ним отчитываюсь?

– В вашем новом доме, фройлейн Марта, по лестнице не находишься... Хотя вы еще так молоды... Ну, что же вы держите меня на пороге? Давайте же войдем в квартиру!

– Перед тем как войти в квартиру я бы хотела узнать, кто вы и в чем состоит цель вашего визита, – я постаралась изъ-

ясниться в его стиле.

Честно говоря, не самое подходящее время для непрошенных гостей.

Вообще-то, обычно в этот час я валяюсь в ванне с журналом...

– Позвольте представиться: Павел Иванович Корсаков. – С этими словами он взял мою руку и приложил ее к губам.

Его рука была холодна, словно в ее жилах не текла кровь. Содрогнувшись от внезапного необъяснимого ужаса, я чуть ли не силой вырвала руку назад.

– ...личный адвокат вашего отца.
– Моего отца? У меня нет отца! – уверенно заявила я.
– Марта Вильгельмовна, у каждого человека есть отец. Ну, или когда-то был. Прошу вас, давайте продолжим беседу в квартире. Там я изложу вам суть своего дела, а вы зададите все интересующие вас вопросы.

В этот момент я взглянула ему в глаза, и взгляд мой словно провалился в темную бездну. На какое-то мгновение я как будто выключилась из реальности. Чтобы избавиться от навязанного, я резко встряхнула головой и... неожиданно обнаружила себя уже в коридоре собственной квартиры. В еще большем недоумении я сунула руку в сумку и на самом ее дне нащупала ключи.

Я попыталась сосредоточиться и вспомнить, когда это я успела открыть дверь и зачем-то снова положить ключи в сумку, но мысли непослушно разбежались в голове, стучаясь

друг о друга, как шарики Спортлото.

– Марта Вильгельмовна, сделайте одолжение, не стойте в прихожей, пройдите в комнату, – раздался из гостиной голос Павла Ивановича. – Я уже все приготовил.

Двигаясь как сомнамбула, я прошла в нашу крошечную гостиную и увидела, что маленький столик, стоящий обычно в углу, перемещен на середину комнаты, рядом в кресле сидит Павел Иванович Корсаков, по-прежнему в плаще, а на столе возвышаются два фужера и очень красивая бутылка с зеленой жидкостью.

Перехватив мой взгляд, адвокат снисходительно улыбнулся:

– Не бойтесь, фройлейн Марта, это всего лишь абсент. Я приобрел его в ближайшем супермаркете. Вам не случалось употреблять абсент?

– Н-нет... – пролепетала я.

– Ну так сейчас самое время! – азартно воскликнул он, и помедлив, продолжил: – Ведь мы будем говорить о вашем наследстве! Садитесь к столу, пожалуйста.

Я придвинула к столу высокий венский стул и осторожно присела на его краешек. Все происходящее казалось какой-то галлюцинацией.

Незванный гость ловко налил два фужера и протянул мне один со словами:

– Ну что ж, выпьем, Марта Вильгельмовна, за знакомство, а затем я оглашу вам завещание. – Он заговорщицки под-

мигнул мне. – Признайтесь, вам ведь не каждый день оглашают завещания?

«Чокнутый, – пронеслось в голове. – Господи! Я один на один с незнакомым, психически больным мужчиной...спаси меня некому – сегодня я больше никого не жду...»

Почему «больше»?.. Я и его не ждала...

Тут я заметила, что Корсаков продолжает тянуть мне фужер, и машинально взяла его.

Фужер тоже оказался ледяным, как рука, которая только что его держала.

– Простите, – вежливо сказала я (Господи, помоги найти предлог, чтобы выставить этого сумасшедшего на улицу!) – Вы, наверно, ошиблись адресом. Вы все время называете меня Марта Вильгельмовна, а меня зовут Марта Андреевна! – Я жалобно улыбнулась.

– Выпьем, – произнес он в ответ и глотнул из фужера. Не желая проверять, чем может грозить неповиновение, я тоже глотнула.

Сейчас главное – держать ситуацию под контролем.

Ночной визитер поставил фужер на стол и заявил:

– А с чего вы взяли, дорогая фройлейн, что вы Марта Андреевна? На каком, так сказать, основании, вы сделали этот...м-м... неверный вывод?

– На основании того, что... я всю жизнь была именно Мартой Андреевной. У меня и паспорт есть. Хотите, покажу? – приподнялась я со стула.

Он жестом остановил меня, и я села на место.

– Паспорта, фройлейн Марта, не всегда дают верную информацию, даже если заполнены по всем правилам. – Он опять глотнул из фужера. Я последовала его примеру. – Поэтому не утруждайте себя беготней. Давайте лучше перейдем непосредственно к делу.

С этими словами странный посетитель раскрыл невесть откуда взявшийся портфель и вынул оттуда какие-то листы.

Я облегченно вздохнула.

Пусть он их прочтет, я не буду его перебивать, во всем с ним соглашусь, и, раскланявшись, выпру к чертовой матери.

В тот момент, когда моя мысль дошла до чертовой матери, взгляд Павла Ивановича недобро блеснул в мою сторону.

– Не отвлекайтесь, дорогая фройлейн. Итак, в моих руках завещание вашего отца, Вильгельма Краузенштайна.

– Он что, немец? – удивившись необычному имени, перебила я и тут же прикусила язык.

– Ну, в какой-то степени... – обтекаемо ответил правозащитник и уткнулся в бумагу, не забывая время от времени прикладываться к абсенту. – Итак, «Завещание Вильгельма фон Краузенштайна, скончавшегося 4 октября 1989 года...»

«Бред какой-то»... – снова подумала я.

Адвокат как будто споткнулся на полуслове и медленно перевел на меня свои глаза.

Не посмев отвести взгляда, я опять на несколько секунд словно погрузилась в их тянущую глубину.

И неожиданно испытала странную ностальгию.

Надо же, мой папа, оказывается, так давно умер... А я никогда его не видела, никогда не искала и ничего – совсем ничего! – о нем не знаю... Даже то, что он в какой-то степени был немцем...

А он, оказывается, помнил обо мне, и, наверно, по-своему любил, раз завещал мне что-то. Какая же я черствая пустышка, а ведь считала себя чутким и милосердным человеком!

Мне стало очень совестно перед умершим отцом и его личным адвокатом.

Однако теперь уже, к сожалению, ничего не исправить.

«...Настоящим удостоверено, что я, Вильгельм фон Краузенштайн, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все свое имущество моей единственной дочери Печатниковой Марте Андреевне (урожденной Краузенштайн Марте Вильгельмовне), рожденной 2 ноября 1978 года»...

Адвокат вновь поднял глаза.

– Ну, теперь видите, уважаемая фройлейн, что никакой ошибки нет?

Я потрясенно кивнула и залпом осушила остатки абсента. Краем глаза я увидела, что второй фужер тоже пуст. Павел Иванович тут же наполнил оба до краев.

– Далее идет перечисление и описание имущества. Но, дабы не утруждать ваше внимание несущественными подробностями (вы прочтете их потом сами, я оставлю вам второй экземпляр), сообщу лишь, что основное завещанное вам

имущество – семикомнатная квартира в центре города. Адрес указан в завещании. Закройте рот, уважаемая!

– Что?..

– Что вы, пардон, рот разинули? Не верите своему счастью? Не бойтесь, завещание подлинное, заверено у нотариуса 9 октября 1987 года.

Наверно, я действительно от удивления и невероятности происходящего открыла рот, но столь резко изменившиеся манеры адвоката неприятно резанули.

– Еще по глоточку, и продолжим беседу?

Я нетерпеливо кивнула. Меня как магнитом тянуло к фужеру с абсентом.

Мы чокнулись и выпили. *А он интересный! Такой импозантный... И плащ такой необычный, наверное, очень дорогой...*

– А что вы в плаще сидите? – вдруг проявила я запоздалое гостеприимство и втихаря пригубила абсента. – У меня тепло. Раздевайтесь, давайте я отнесу в прихожую и повешу...

Я резво вскочила с места, но сила абсента качнула меня и плюхнула обратно на стул.

Однако я заметила, что Павел Иванович не разделил моего порыва.

Я взглянула на него и с удивлением обнаружила, что передо мной уже два синхронно говорящих и двигающихся Павла Ивановича. Пытаясь сфокусировать взгляд на каком-нибудь одном из них, я потерпела полное фиаско.

Они протянули мне два бокала с абсентом, и мы чокнулись.

– Я должен вам сообщить еще кое-что, – дуэтом сказали они.

Мимо меня проплыл хоровод зеленоватых узорчатых бабочек. Я залюбовалась ими, и, стремясь обратить внимание собеседника на это неожиданно возникшее чудо природы, неожиданно для самой себя противно захихикала.

– Э-э, матушка, ну и надралась ты, – донесся откуда-то из подземелья голос Павла Ивановича. Каждое слово будто кувалдой ударяло по голове. Я потрясла головой, и он возник перед глазами, уже снова один, но по-прежнему в наглухо застегнутом черном плаще.

Я спроецировала себя на стул и попыталась, как говорят, вся обратиться в слух.

Видя, что клиент пришел в себя, господин Корсаков не замедлил протянуть мне фужер, уже опять наполненный доверху.

Внутренний голос пытался воззвать к остаткам разума, но тут же потонул в глотке обжигающей волшебной жидкости. Я залпом осушила емкость и приготовилась слушать адвоката.

– Для того чтобы завещание вступило в законную силу, необходимо ознакомиться и выразить свое согласие с двумя условиями, при которых это становится возможным, – долетел до меня убаюкивающий голос таинственного человека в

дорогом плаще. – Условия эти состоят в следующем. Ваш отец пожелал, чтобы вы получили второй экземпляр завещания за одиннадцать дней до его вступления в законную силу...

Я насторожилась и приоткрыла слипающиеся глаза.

– А что, завещание еще не вступило... Я еще не владелица семикомн... – едва ворочая языком, пробормотала я. Где-то на задворках сознания всплыли мысли о недописанной статье. Господи, меня завтра уволят! А и пусть увольняют! Я теперь владелица!.. Или еще не владелица?..

– Нашла о чем думать! – восхитился Павел Иванович. – Ей такое состояние завещано, а она дурку гонит, о статье какой-то переживает!

Я что, посетовала на статью вслух? Вроде нет...

И опять изменение стилистики речи адвоката моего отца повергло меня в легкий шок. Кто он такой? Почему его как будто два?..

– Ты слушай лучше и не перебивай, наследница, – внешне перейдя на «ты», снова заговорил странный персонаж, – **ЗАВЕЩАНИЕ ВСТУПИТ В СИЛУ РОВНО ЧЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЙ.** Напряги мозги, чтобы не переспрашивать.

Во мне проснулся протест против этого хамства.

– Не будете ли вы столь любезны выразаться более корректно? – попросила я.

И он тотчас же будто переродился.

– Разумеется, уважаемая фройлейн. Может, выпьем?

– С удовольствием, – против моей воли ответил кто-то за меня моим голосом. У меня возникло стойкое ощущение, что это сказала не я. По-моему, я даже не успела разжать губ. А когда я их разжала, возле них уже плескалась искрящаяся зеленая напасть. Не успела я глазом моргнуть, как она провалилась внутрь меня.

– Каковы же эти условия? – донесся до меня издалека мой собственный обеспокоенный голос.

– Основное условие состоит в следующем. С момента получения вами вашего экземпляра завещания вы должны переселиться в завещанную вам квартиру вашего отца. И жить в ней на протяжении всех одиннадцати дней, ночуя в ней каждую ночь, не пропуская ни одной ночи.

Он помолчал.

– И все?! – с радостным изумлением спросил мой голос. Ну естественно, я завтра же туда переберусь! Для того она мне и завещана, чтобы я в ней жила. И ночевала, не пропуская ни одной ночи...

– А если я пропущу одну ночь? – с пьяным кокетством полюбопытствовала я.

– Тогда не видать вам наследства, как ушей своих, – ласково ответил адвокат в плаще.

Я покосилась на зеркало, висящее на стене, и отчетливо увидела в нем свои уши.

И снова хихикнула.

– А кто же сможет это проверить? – задала я резонный вопрос.

– Однако после стольких порций абсента вы не теряете способности к аналитическому мышлению, – похвалил Корсаков. – Впрочем, это не ваша забота. Знайте только одно: обмануть наследодателя вам не удастся.

– К-какого... наследодателя? Он же умер... если он – наследодатель... – растерялась я.

Павел Иванович немного замешкался и потерял пуговицу на плаще.

– В данном конкретном случае – меня, – произнес он не очень уверенно, – так как я представляю интересы непосредственно наследодателя, то есть вашего отца.

– Непосредственно... – повторила я и грохнулась со стула на пол.

– ...Еще одно условие, – невзирая на мое падение, спокойно продолжил Павел Иванович недрогнувшим голосом, – лежите, лежите, Марта Вильгельмовна, вся в своего покойного папашку... Еще одно условие таково: в одной из комнат квартиры вашего отца находится его портрет. Так вот: портрет нельзя выносить из комнаты, переставлять, накрывать и так далее. Всякие манипуляции с портретом категорически запрещены. Словом, вы, уважаемая фройлейн, должны жить в квартире, и с вами в той же квартире, всегда на одном и том же месте должен находиться портрет вашего отца.

– И все?! – снова откуда-то радостно воскликнул мой го-

лос.

– Да. И все. Правда, в завещании указаны еще несколько пунктов, но, строго говоря, они столь незначительны...

– Так это же сущие пустяки! – пропустив мимо ушей последнюю реплику, вскричала я с восторгом.

Честно говоря, услышав про условия, я испугалась, что они окажутся невыполнимыми, и поэтому искренне обрадовалась тому, что они такие простые.

– И если я буду там жить все это время, начиная с завтрашнего дня, то через одиннадцать дней...

– Совершенно верно, через одиннадцать дней, в день вашего двадцатипятилетия вы станете законной владелицей данной квартиры.

– Если начну там жить уже завтра!.. – не могла поверить я, с трудом поднимаясь с пола.

Всего через каких-то одиннадцать дней!

– При условии, разумеется, что портрет вашего отца будет жить в этой квартире вместе с вами.

– Жить?.. Портрет?.. – глупо рассмеялась я.

Даже одурманенной абсентом, мне вдруг показалось, что Павел Иванович не оговорился. Он как-то странно посмотрел на меня, и от этого взгляда мурашки пробежали меня с головы до пят.

И тут же ледяной взгляд его сменился чарующей улыбкой.

– Ну, что же, раз вы согласны с условиями завещания...

– Конечно, согласна!

– Еще бы! Редко кому выпадает такая удача. – Что-то фальшивое почувствовалось мне в его интонации. – Ну так вот, фройлейн Марта, *ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ С УСЛОВИЯМИ ЗАВЕЩАНИЯ*, тогда подпишите, пожалуйста, здесь и здесь.

Я взяла любезно протянутую мне холодную, как лед, ручку и быстро поставила свою подпись, где было велено.

– И еще один экземпляр, будьте добры, здесь и здесь.

Отгоняя летающих бабочек, цепляясь пальцами ног за уплывающий пол, облокотясь левой рукой на постоянно двожащегося Павла Ивановича Корсакова, я подписала.

Мне показалось, что в тот момент, когда я оторвала ручку от бумаги, где-то раздался тихий, но неприятный смех. Я оглянулась по сторонам, но ничего подозрительного не увидела, если, конечно, не считать того, что одна из стен сдвинулась со своего места и поползла прямо на меня.

– Марта Вильгельмовна...

Я покосилась на стену. Она стояла на месте.

– Если у вас нет ко мне вопросов, то разрешите откланяться...

Ох, уж этот мне его дворянский слог!

– Разрешаю. Откланяйтесь.

Не обращая внимания на мое подобие иронии, папашин адвокат собрал бумаги, сунул их в портфель вместе с ручкой и резюмировал:

– Ваш экземпляр завещания я оставил на столе. Завтра на

трезвую голову с ним ознакомитесь.

Представитель наследодателя сказал это так строго, словно это не он меня напоил!

Я открыла рот, чтобы что-то возразить, но Корсаков не дал мне произнести ни слова.

– Там же, на столе, я оставил свою визитную карточку. Если возникнут вопросы, незамедлительно обращайтесь. Завтра 22 октября, и завтрашнюю ночь, так же, как и все последующие, надо будет провести в квартире вашего отца. Адрес и телефон в завещании, а ключ... – предвосхитил правозащитник мой вопрос, – вот, возьмите.

И он сунул мне в руку причудливой формы ключ из желтого металла, очень похожего на золото.

– Дверь подъезда открывается этим же ключом. Обратите внимание, на головке ключа, вернее, на ее торце, имеется едва заметный прямоугольный выступ. Его нужно просто прислонить к кнопке «В». Поняли?

– Дерни за веревочку, дверь и откроется...

Я еле держалась на ногах и мечтала скорее лечь и провалиться в сон. Мысли о статье растворились в чудодейственном напитке.

– Ну, вот и все! – дружески улыбнулся адвокат. – Вперед, к новой жизни, наследница!

С бокалом абсента в руке я проводила его до двери.

– До скорой встречи! – сказал он на прощанье и, критически осмотрев меня с ног до головы, добавил:

– Пожалуй, сегодня ванну с журналом не принимайте. Еще уснете в ней, не дай...

Не закончив фразы, Корсаков развернулся и пошел к лифту, а я в смешанных чувствах закрыла за ним дверь.

Почему до скорой встречи?

... И когда это я успела ляпнуть ему про ванну с журналом?..

Глава вторая

Утром я проснулась от настойчивого телефонного звонка.

Приподняв тяжелую голову и обнаружив себя лежащей на полу в прихожей, я с трудом поднялась и, спотыкаясь, побрела на пронзительные трели телефона.

– Алло!

– Марта! Вы что, еще дома?!

– Кто это? – хрипло спросила я, тупо глядя на орущую трубку.

– Это Андрей Данилович! Объясните мне, почему вы до сих пор не в редакции и где сегодняшняя статья? Вы что, с ума сошли?!

– Какой Андрей Данилович?..

На том конце трубки наступила тишина. Похоже, Андрей Данилович потерял дар речи.

– Извините, это квартира Марты Печатниковой? – осторожно спросил он после паузы.

Андрей Данилович! Батюшки святы, да это же главный редактор!

Я бросила быстрый взгляд на часы. Без четверти десять!

– Да, – слабым голосом подтвердила я, – это моя квартира. Доброе утро, Андрей Данилович.

Сейчас он меня уволит по телефону.

– Марта, что с вами? – озабоченно спросил мой начальник. – Вам плохо?

– Да, немного нездоровится, – не покривила я душой, сидя на полу с трубкой возле уха.

– Бедная девочка! – внезапно проникся ко мне сочувствием Андрей Данилович. – Совсем заработалась. Марта, ну так же нельзя! Римма Васильевна сказала мне, что вчера вы ушли домой в половине десятого. И вообще, вы постоянно перерабатываете. Марта, поймите, ведь ресурсы человеческого организма не безграничны! Если вы их потратите в таком молодом возрасте, что от вас останется к старости?

Я вздохнула. Он прав, так нельзя.

Так пить нельзя.

– Вот что, – решительно заявил главный. – Сегодня объявляю вам выходной.

Я не могла поверить такой удаче.

– А как же статья?

– Подождет до завтра. Но только до завтра! Сегодня пустим статью Вереницына.

– Но...

– И никаких «но»! Вы мне нужны свежей, инициативной и полной сил. Таковой надеюсь вас увидеть завтра утром. А сегодня поваляйтесь на диване, отдохните, расслабьтесь. Всего доброго!

Валяться на диване я не собиралась. Мне не терпелось увидеть нежданно обретенную вчера семикомнатную квар-

тиру.

А это не сон? Уж больно все неправдоподобно...

Нет, завещание лежало на столе, там, где его оставил ночной визитер. Бегло пробежав его глазами, не задерживаясь на деталях, я нашла адрес и телефон шикарного жилища и переписала их в блокнот. Наскоро приведя себя в божеский вид, я облачилась в джинсы и куртку, сунула в карман золоченый ключ и была такова. Если Андрей Данилович позвонит – подумает, что я впала от переутомления в кому и не отвечаю на звонки.

Куда ехать, я понятия не имела, поэтому решила взять такси. Поскольку из дома вызвать его я не догадалась, пришлось ловить машину на улице. Первое же такси, которому я «голоснула», сразу подрулило ко мне. Впорхнув в него, я воспроизвела по памяти адрес, указанный в завещании:

– Пожалуйста, на улицу адмирала Ласточкина, дом девятнадцать.

Водитель кивнул, и минут через двадцать я оказалась перед дверью завещанной мне квартиры. Вопреки ожиданиям, она располагалась в скромной четырехэтажке, и вовсе не в центре, а где-то у черта на куличках.

– Странно... – шепнула я самой себе.

Дверь тоже выглядела весьма скромно, я не ожидала, что в семикомнатную квартиру может вести такая непрезентабельная дверь...

Слегка разочарованная, я достала из кармана золотой

ключ и попыталась открыть её, но тут меня постиг еще один удар. Я даже не смогла втиснуть его в замочную скважину. Здесь и ослу было ясно: ключ явно был не от этой двери.

Что же это такое?..

Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина моей мечты.

Я взглянула в его глаза и пропала.

Передо мной стоял высокий блондин лет двадцати семи с распахнутыми синими глазами, в полузастегнутой байковой рубаше и спортивных штанах.

– Что это вы делаете, девушка? – удивленно и сурово спросил он.

– Пытаюсь попасть в свою квартиру! – как можно увереннее ответила я.

– Вы, наверно, ошиблись этажом, – предположил герой моего романа. – Это моя квартира, а не ваша.

– Нет, она моя, – принялась путано объяснять я. – Она досталась мне по наследству от отца, вернее, достанется через одиннадцать дней...

– От какого отца? – напрягся симпатяга.

– От моего.

– А ну-ка, пройдите сюда! – Он пропустил меня в маленькую прихожую и закрыл за мной дверь.

– Повторите, пожалуйста, что вам нужно?

– Это улица адмирала Ласточкина, дом девятнадцать, квартира шестьдесят четыре?

– Совершенно верно.

– Ну вот, эту квартиру завещал мне отец, – уже менее уверенно поведала я парню, от которого просто не могла оторвать глаз.

Тот в свою очередь уставился на меня.

– Как же ваш отец мог завещать вам мою квартиру? – с сомнением осведомился он.

– *Вашу* квартиру? А вы уверены, что она ваша?

Синеокий опять пристально посмотрел на меня.

– Конечно, уверен. Вы или ваш отец просто что-то напутали.

– И вы что же, здесь живете? – подозрительно спросила я, пытаясь заглянуть внутрь через приоткрытую дверь. Что-то не похоже, что здесь семь комнат...

Блондин начал раздражаться.

– Да, я здесь живу и собираюсь жить и дальше.

Внезапно меня осенила новая догадка. Может, это мой брат? Он просто живет в этой квартире после смерти нашего отца, а завещана квартира мне.

Я украдкой оглядела плечистого белокурого парня, пытаюсь выявить схожие с собой черты.

По-моему, что-то общее есть. Я тоже высокая, светло-волосая...

– А раньше с вами жил ваш отец? – заехала я с другой стороны.

Мужчина моей мечты явно был на грани терпения. Тем

не менее, он собрал всю свою вежливость и сухо сообщил:

– Мой отец не жил здесь ни раньше, ни позже. У меня вообще нет отца. Хотя вам, наверное, этого не понять.

– Почему же не понять? У меня тоже нет отца, и никогда не было.

Вслед за этим моим заявлением наступила немая сцена.

Первым опомнился синеглазый Аполлон. Ненавязчиво подталкивая меня к двери, он зачастил скороговоркой:

– Извините, девушка, у меня много дел, приходите в другой раз...

– Нет-нет, вы меня не так поняли! – засопротивлялась я, опасаясь, что блондин сейчас выставит меня вон, и вкратце сбивчиво изложила ему свою историю.

Надо отдать парню должное – он внимательно меня выслушал и ни разу не перебил.

– Даже не знаю, что вам сказать... – наморщил он лоб по завершении моего рассказа. – Дело в том, что вообще-то это квартира моей бабушки...

Эта бабушка – мать нашего таинственного отца.

– А как вас зовут? – со слабой надеждой спросила я.

Сейчас он скажет «Краузеништайн Курт Вильгельмович», и все встанет на свои места.

– Александр Владимирович Дуганов, – единым махом разбил мнимый брат все мои фантазии.

– Марта Печатникова, – в свою очередь уныло представилась я.

– Марта Печатникова? Надо же, вы тезка журналистки из «Живого слова». Она удивительно талантливая девушка!..

– Это я и есть.

– Да-а?! – удивился красавец Александр Дуганов. – Ух ты! А я ваш поклонник, все ваши статьи читаю!

Тут я заметила на тумбочке стопку «Живого слова».

– Какое неожиданное знакомство!..

Да уж!..

– Спасибо за комплимент. Кстати, можно на «ты». А вы чем занимаетесь? – Мне ужасно не хотелось расставаться со столь очаровательным молодым человеком.

– Я художник. Кстати, можно тоже на «ты». Можно просто Саша.

Мы посмотрели друг на друга, проникаясь взаимной симпатией.

Пожалуй, даже хорошо, что он мне не брат.

– Кстати, Марта, а где твое завещание? Давай-ка проверим адрес.

– Завещания с собой нет. Адрес я записала в блокноте.

Я достала из сумки блокнот и, не веря своим глазам, прочла: «Улица адмирала Касаткина, д.19, кв.64».

– Ну вот, видишь, – обрадовался Саша, выхватив у меня из рук блокнот. – Не Ласточкина, а Касаткина! Я же говорил, ты просто перепутала. Эх ты, ласточка-касатка! – добавил он так нежно, что у меня захватило дух.

– Ну что ж, – нехотя придвинулась я к двери, – пойду ис-

кать улицу адмирала Касаткина.

– Погоди-ка! – вдруг остановил он меня. – Смотри, у тебя тут сокращенно написано, но не «адм.», а «акдм.» Видишь? – Он ткнул мне под нос блокнот. – Значит, не адмирал твой Касаткин, а академик!

Я посмотрела на запись. Действительно! Это все моя журналистская привычка сокращать.

– Спасибо, – поблагодарила я и в предчувствии неизбежного расставания обреченно добавила: – Мне пора.

– Удачи! – ответил он совсем другим тоном, приветливым и веселым. – Приятно было познакомиться!

– Взаимно.

Я вышла на площадку, и он закрыл за мной дверь.

Больше я его никогда не увижу.

Очень расстроенная, я опять оказалась на улице, подошла к краю дороги и огляделась по сторонам. По дороге неспешно ехали автобусы, троллейбусы, спешили юркие маршрутки, неслись навороченные и не очень тачки, и через некоторое время из-за угла показалось такси. Я отчаянно замахала рукой, такси подъехало и остановилось возле меня.

Я всунула голову в открытое окошко:

– Будьте добры, на улицу академика Касаткина.

Таксист кивнул, но через мгновение недоуменно обернулся и воззрился на меня.

– Куда, простите?

Глухой, что ли?.. Я повторила.

– А где это такая улица?

Кабы я знала, где она, сама бы доехала!

– Вы таксист, значит, должны знать!

– Первый раз слышу, – пожал плечами водитель такси.

Я высунулась обратно и встала у дороги в нетерпеливом ожидании следующей машины. Она не замедлила появиться. Все еще рассерженная на предыдущего шофера – молодого парня – я тормознула ее и с удовлетворением увидела за рулем пожилого мужчину с доброжелательным выражением лица.

Ну, у этого-то, судя по всему, большой стаж работы, город наверняка знает как свои пять.

Я приоткрыла дверцу такси и уверенно назвала адрес.

– Улица академика Касаткина?.. – почесал в затылке предполагаемый знаток города. – А это в каком районе?

– В центре, – подсказала я, рассчитывая, что после этих слов он хлопнет себя по лбу и воскликнет:

– А-а! Это же возле...

Но произошло нечто обратное. Он сдвинул брови, так, что они едва не столкнулись друг с другом, и задумчиво произнес:

– В центре, говоришь?.. А где же это в центре-то?..

Со следующими тремя таксистами повторилась та же ситуация, только с незначительными вариациями.

Находясь в полном замешательстве, я уже не знала, что предпринять, как вдруг услышала оклик:

– Девушка!

Возле меня стоял шикарный черный лимузин.

Удивительно, как бесшумно он подъехал!

Из окна лимузина высунулся человек с узким лицом и длинными русыми волосами.

– Извините за бестактность, но я невольно увидел, как вы безуспешно пытаетесь поймать такси, и решил предложить свою помощь. Не могу спокойно смотреть, когда столь очаровательная девушка выглядит такой растерянной...

Меня немного озадачило, откуда он за мной наблюдал. Я стою тут достаточно давно, чтобы не заметить такую роскошную и – что говорить! – очень редкую даже для нашего крупного города машину. Но эта мысль сразу же улетучилась, я подошла поближе и, ни на что особо не надеясь, робко спросила:

– Вы, случайно, не знаете, где улица академика Касаткина?..

И приготовилась к тому, что он наморщит лоб, мотнет головой и скажет:

– Рад бы помочь, но, к сожалению, о такой улице слыхом не слыхивал.

И тогда я сяду в трамвай, поеду домой, выкину фальшивое завещание на несуществующую квартиру в мусоропровод и сяду писать статью.

Ах, если бы в тот момент я так и поступила!..

Но неожиданно он спокойно сказал:

– Конечно, знаю. Это совсем недалеко. Садитесь на заднее сиденье.

И в этот момент я испытала точь-в-точь такое же ощущение, как вчера с Павлом Корсаковым, когда не могла вспомнить, как попала в свою прихожую. Я как-то моментально оказалась сидящей внутри лимузина, не помня при этом, ни как открывала дверцу, ни как закрывала ее изнутри.

Какие-то мимолетные провалы в памяти. Точно, заработалась!

Лимузин покатил по улице адмирала Ласточкина, увозя меня от дома Саши Дуганова к дому моего отца. В салоне было мягко, просторно и тепло. Я придвинулась поближе к окну, чтобы видеть дорогу, но окна были сильно тонированы и ничего, кроме каких-то размытых очертаний, видно не было.

– А где находится эта улица? – спросила я у водителя.

– В самом центре города. Большая, широкая улица, больше похожая на проспект.

И об этой большой, широкой улице не знали пятеро таксистов! Просто диву даешься, как недобросовестно некоторые относятся к своей работе!

– А кто живет в этом районе?

– В основном, богатые и очень богатые люди. Квартиры там стоят дорого, простым смертным, – он неприятно усмехнулся, – не по карману.

И добавил:

– Я, например, тоже живу на проспекте Касаткина.

Значит, моя семикомнатная квартира все-таки существует.

И скоро я ее увижу!

Меня охватило сладостное предвкушение.

– А на каком общественном транспорте лучше добираться до улицы Касаткина? – Я решила выжать из владельца лимузина максимум информации.

– Простите, как вас...?

– Марта.

– Видите ли, Марта, контингент, населяющий проспект Касаткина – правильнее называть не улица, а проспект, – не ездит на общественном транспорте. Но для исключительных, так сказать, случаев существует пятнадцатый трамвай.

– А откуда он ходит? – Я, как ни странно, не могла припомнить, что когда-либо встречала в городе пятнадцатый трамвай.

Ответ меня весьма озадачил.

– Отовсюду.

Я хотела возразить, что так не бывает, но тут водитель мягко затормозил и, обернувшись ко мне, произнес:

– Вот мы и приехали. Всего доброго.

Я на мгновение встретилась с ним глазами и – опять странное ощущение, уже испытанное вчера – словно заглянула в мертвенную бездонную пропасть. В теплом лимузине вдруг стало очень холодно, но холод был не живой и понят-

ный, как, например, трескучий веселый мороз в канун Нового года, а могильный, безмолвный, засасывающий. Я почувствовала, что уже теряю сознание, и тут же обнаружила, что стою на твердой земле перед ярко сияющей витриной магазина. Воспитание наемкнуло, что следует сказать спасибо странному русоволосому человеку, как-никак, он очень меня выручил; однако лимузина и след простыл. Подивившись в который раз, я огляделась по сторонам и с изумлением заметила, что на улице уже смеркается, хотя, по моим ощущениям, должно было быть где-то около часу или двух, как говорили в старые времена, пополудни.

В этот момент где-то сзади раздался явственный бой часов.

Я повернула голову и увидела чудной красоты здание, похожее на башню или ратушу.

Часы пробили семь раз.

Я обалдело уставилась на огромный циферблат.

Семь часов!

Неужели я провела у белокурого красавца столько времени?..

Впрочем, я провела бы еще в два раза больше, будь у меня такая возможность...

Но такой возможности нет и уже не будет.

Подумав об этом, я невольно вздохнула.

Ну ладно, займемся делами насущными.

Стараясь выкинуть из головы прекрасного юношу, я еще

раз взглянула на магазин, возле которого меня высадила незнакомец в лимузине.

Магазин выглядел как вполне обычный супермаркет. Внутри маячили полки с товаром, и я вспомнила, что еще не обедала (или не ужинала?). Тут же проснулся зверский аппетит. Пожалуй, стоит зайти и купить чего-нибудь перекусить, вряд ли в квартире есть съестное.

Выйдя из супермаркета минут через двадцать, обвешанная пакетами, я посмотрела на номер дома – 27 – и двинулась наугад в сторону стоящих неподалеку больших домов. Будем надеяться, что дом номер девятнадцать находится среди них. Он должен быть совсем рядом.

В этот момент часы на ратуше пробили девять.

Я не поверила собственным ушам. Я что, находилась в маркете два часа? Хотя, надо признать, случается иногда и такое, в магазине время летит очень быстро, но все-таки два часа – это уже чересчур.

Коря себя за нерасторопность, я прибавила шаг и вскоре среди группы высоток обнаружила девятнадцатый дом. Найти его, к счастью, оказалось легче, чем я ожидала. На углу висела яркая табличка с подсветкой.

Вспомнив указания Павла Ивановича Корсакова, я открыла дверь подъезда и очутилась перед широкой лестницей с резными перилами из черного дерева.

– Ух, ты! – не сумела я сдержать восторга.

Это тебе, фройлейн Марта, не дугановская четырех-

этажка.

Справа располагался современный, тоже широченный, лифт. Судя по его дверце, в нем можно было перевезти зараз небольшое стадо коров. Хотя кто повезет в квартиру стадо коров?.. Странно, что мне пришла в голову подобная ассоциация.

Интересно, на каком этаже моя квартира?

В памяти невольно всплыли слова адвоката: «В вашем новом доме, фройлейн Марта, по лестнице не находишься...»

Сгорая от нетерпения, я вошла в лифт и выяснила, что квартира №64 находится на двадцать первом этаже. Что касается лифта, то в нем вполне смогли бы жить, причем, практически не мешая друг другу, четверо иногородних студентов. Трехместные комнаты в общежитии института, где я училась, были немного меньше.

Сооружение медленно поползло вверх, с каждой секундой приближая меня к квартире моего отца.

Наконец лифт остановился, двери раздвинулись, я вышла, и прямо передо мной возникла огромная высокая дверь, судя по всему, из мореного дуба, с массивной деревянной ручкой и табличкой с надписью «64» и чуть ниже «профессор философии В.К. Краузенштайн».

В безмолвном оцепенении я остановилась перед этой дверью.

Глава третья

К *этой* двери ключ подошел идеально, и она, приоткрывшись с глухим скрипом, пропустила меня внутрь. Оказавшись в крошечной темноте, я стала ощупывать стену в поисках выключателя, и, когда поиски увенчались успехом, зажегся неяркий свет, и я, наконец, увидела помещение, в котором оказалась.

Я стояла в большой прихожей, отделанной, на мой взгляд, в стиле девятнадцатого века; впрочем, в стилях я мало что смыслю. С изумлением осмотрела я антикварный шкаф, дорогой паркет, старинную люстру, оленьи рога, выполняющие роль вешалки, потемневшее зеркало в деревянной раме – казалось, что действие происходит в каком-то заброшенном замке, а не в современной квартире, расположенной в доме с лифтом. На стене висел стилизованный под старину телефонный аппарат. Из прихожей вели три двери: две налево и одна – прямо, а справа располагалась лестница на второй этаж.

Надо же, квартира занимает два этажа!..

Заперев изнутри дверь на несколько замков и цепочку из литого серебра, я сняла ботинки, повесила куртку в красивый шкаф из красного дерева и переобулась в мягкие тапочки с вышивкой и кожаной отделкой, стоящие у двери. Они,

очевидно, когда-то принадлежали отцу, так как оказались мне очень велики, но другой обуви поблизости не было.

Я решила начать осмотр с центральной комнаты – ею оказалась большая гостиная, выполненная все в том же, не определенном мною, стиле, с диваном и креслами старинной немецкой фирмы, о чем свидетельствовали замысловатые клейма, картинами в тяжелых рамах, несколькими древними египетскими папирусами с изображениями богов, фараонов и сфинксов, и греческой напольной вазой. На небольшом круглом столике с позолоченной каймой стояла красивая фарфоровая статуэтка в виде девушки, играющей на лютне. На стене висели большие необычайной красоты часы с тяжелыми гирями, украшенные мозаичными портретами незнакомых дам и господ в одеждах королей и мореплавателей. В углу располагался большой камин с затейливой решеткой, отделанный настоящим нефритом, а рядом с камином, у стены, прилегающей к нему с другой стороны, стояло очень красивое пианино черного цвета, с подсвечниками по бокам. Широкие двойные двери, которые до этого я видела только в кино, вели из гостиной в столовую. Она тоже была очень просторной, с большим обеденным столом посередине и рядом стульев с изогнутыми ножками; в старинном буфете с прозрачными стеклами обнаружился сервиз из китайского фарфора: тончайшие блюда и чайные чашки с причудливыми узорами в китайском стиле: разноцветные утки-мандаринки, китайский император в своем паланкине, духи камней,

крестьяне с мулами, и все это было выписано чрезвычайно искусно. Тут же находились изящные бокалы из богемского стекла уже более позднего периода, позолоченные (или золотые?!.) столовые приборы, японский глиняный чайник, тоже расписной, по-видимому, ручной работы, и еще много всего диковинного. Пройдя сквозь полукруглую арку, из столовой я попала в кухню, где некоторые приметы цивилизации не дали мне окончательно впасть в иллюзию. Например, кухонный интерьер, кроме прочего, составляли вполне современная газовая плита и деревянные окна нового образца. В кухне тоже была дверь, которая вывела меня к лестнице, только с другой стороны. Вернувшись в прихожую, я продолжила свои исследования и открыла первую дверь слева. За ней оказалась уютная туалетная комната. Стены здесь были зеркальными, ванная напоминала небольшой бассейн и была выложена мрамором цвета оливок; на полочке висело несколько новеньких полотенец, очень нежных и мягких на ощупь. Последняя дверь на первом этаже вела в кабинет. По стилю он практически не отличался от гостиной: та же тяжелая деревянная мебель темных, глухих тонов, письменный стол, обтянутый добротным красным сукном, большой пятирожковый подсвечник, шкафы почти под самый потолок, с фигурными ручками, набитые какими-то старыми книгами, преимущественно на старонемецком языке...

На втором этаже я обнаружила две роскошно обставленные просторные спальни с большими окнами с низкими ши-

рокими подоконниками и еще одну комнату, служившую, скорее всего, гардеробной. Между гардеробной и одной из спален находились еще одна ванная и туалетная комнаты. Вдоль широкого коридора висело несколько светильников, а возле лестницы – такой же, как в гостиной, телефонный аппарат.

Сказать, что я была в немом восхищении – это не сказать ничего.

Не квартира, а мечта!

Радость переполняла меня, выплескивалась наружу, и было необходимо с кем-нибудь ею поделиться.

Я подошла к телефону в раздумье, кого бы поразить оглушительной новостью и, возможно, даже пригласить на рюмочку абсента, как вдруг раздался резкий телефонный звонок.

– Прибыли, фройлейн Марта? – услышала я голос Корсакова. – Ну, каковы ваши впечатления о наследстве?

– Выше всяких похвал, – искренне ответила я. – Я и предположить не могла, что папа жил в такой ослепительной роскоши!

В то время как мы с мамой перебивались с хлеба на воду.

– Да уж не бедствовал! – За этой фразой последовал короткий смешок.

Мне вдруг захотелось узнать об отце больше.

– Павел Иванович...

– Да, уважаемая фройлейн?

Когда же он перестанет называть меня «фройлейн»?!

– Вы ведь близко знали моего отца. Каким он был? Чем занимался? Какую жизнь вел?

– Это не телефонный разговор, Марта Вильгельмовна.

А может, его и пригласить?.. Попросить захватить абсент, отпразднуем новоселье, а там, за разговором...

– Сегодня навестить вас никак не получится.

Он что, мысли мои читает?..

– Да и абсент каждый день не пьют, тем более такими, извиняюсь, лошадиными дозами. Это благородный напиток, напиток богемы.

А кто мне отмерял дозы? Не вы ли, батенька?

Я специально мысленно четко проговорила эту фразу. Что он ответит? Если продолжит эту тему, значит...

У меня даже сердце заколотилось.

– Кстати...

???

– Вы уже видели портрет?

– Портрет?.. – О портрете я совсем забыла.

– Он находится в гостиной.

Никакого портрета в гостиной я не могла припомнить.

– Еще не видела.

– Ну, как же так, фройлейн Марта?

Мне показалось, что его тон стал холоднее.

– Я еще не успела как следует все осмотреть, – смущенно объяснила я.

– Я думал, вам интересна личность вашего отца...

Как он ревностно следит за этим портретом! Что же в нем такого особенного?..

Ладно, в этот необыкновенный вечер прощу ему его за-
нудство.

– Хорошо, сейчас спущусь и посмотрю.

– Вы его сразу увидите.

Сразу я его уже не увидела.

– А теперь желаю вам спокойной ночи, время уже позднее.

Я тоже пожелала ему спокойной ночи и повесила трубку.

И начала спускаться по лестнице в гостиную, чтобы уви-
деть, наконец, портрет моего отца.

На этот раз я увидела его сразу. Удивительно, как я мог-
ла его не заметить? Портрет висел на самом видном месте,
прямо напротив двери, рядом с часами. Если сказать откρο-
венно, он меня немного удивил. Я ожидала увидеть обычный
портрет, скажем, по грудь или по пояс, где крупным планом
выписано лицо. Или, учитывая специфику отцовского жи-
лища, какой-нибудь портрет в старинном стиле, например,
в средневековом костюме с жабо, и парике. Такой портрет
гармонично вписался бы в интерьер гостиной.

Но висящий передо мной портрет был очень необычным.
На дальнем фоне картины чернел непроходимый лес. Перед
лесом протекала неширокая, но бурная река, через реку был
перекинут мост, и вот на этом мосту, опершись правой ру-
кой на перила и подбоченясь, стоял молодой мужчина, высо-

кий, худощавый, в красивом камзоле и высоких сапогах, как у наездника, и пронзительным взглядом смотрел, казалось, мне прямо в глаза. Он стоял в самом конце моста, там, где река смыкалась с лесом, хотя, на мой взгляд, было бы лучше поместить его фигуру посередине, поближе к веселому зеленому лугу на переднем плане картины, куда выводил мост через реку. Вглядевшись повнимательнее в черты лица мужчины, я отметила, что он, безусловно, привлекателен, однако никакого сходства с собой, как ни старалась, не нашла.

И – странное дело – чем пристальнее я его рассматривала, *ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫЛ МОИМ ОТЦОМ, КОТОРОГО Я НИКОГДА РАНЬШЕ НЕ ВИДЕЛА, КОТОРЫЙ ЗАВЕЩАЛ МНЕ ЧУДЕСНУЮ КВАРТИРУ С ЛЕСТНИЦЕЙ*, – тем сильнее мне хотелось отойти и опрометью кинуться вон из гостиной. Но оторвать взгляд я не могла, будто он приковал к себе мои глаза.

В эту секунду тяжелые гири на часах шевельнулись, и часы стали мерно отбивать время – десять.

Я перевела взгляд на циферблат и сразу вспомнила о статье.

Отчего-то стараясь не смотреть на портрет, я осторожно выскользнула из гостиной, плотно притворила дверь и издала вздох облегчения.

Ну и напугал меня папаша!

Наскоро поужинав, я решила, что пора определяться с ночлегом.

Расположиться на ночь я решила в одной из спален, оформленной в зеленоватых тонах. Она напоминала номер «люкс» в гостинице. Тут было меньше старины, имелись радиоприемник и маленький телевизор, а узкая дверь вела на балкон, больше похожий на веранду.

Побродив немного по комнате, я, наконец, устроилась на постели, достала блокнот и принялась писать. К счастью, работу удалось закончить довольно быстро, мысль бежала сама, я лишь успевала водить ручкой по бумаге.

(А что делать, если ноутбук остался дома?)

Оставшись весьма довольна собой, я решила перед сном покурить и вышла на балкон.

На балконе дул резкий холодный ветер, и мне удалось поджечь сигарету лишь с четвертого раза. И тогда, с наслаждением затянувшись, я, наконец, подняла глаза, чтобы полюбоваться с огромной высоты панорамой ночного города.

И замерла, потрясенная.

Никакой панорамы не было.

Не было вообще ничего. НИЧЕГО – ни огней, ни силуэтов, ни поблескивающих крыш зданий. Одна сплошная кромешная тьма. Я вытянула вперед руку, и мне показалось, что воздух очень плотный, почти осязаемый.

Заинтригованная, я снова вытащила из кармана свою зажигалку с фонариком на конце и направила луч перед собой.

И не увидела ничего, кроме непроглядной темени, черного, слепого мрака.

Ну что-нибудь должно же быть! Какие-нибудь фонари, фары машин, свет из окон...

Внезапно навалилась страшная усталость.

Завтра утром посмотрю, куда выходят мои окна; может, там какой-нибудь открытый стадион или парк с густыми деревьями. Вот и все.

Мои окна.

Раздевшись, я улеглась в уютную, мягкую постель.

Как же все это здорово!

Интересно, какие сны мне приснятся?..

...Какие сны в том смертном сне приснятся?..

Глава четвертая

Среди ночи мне показалось, что кто-то меня зовет:

– Марта!

Монотонный звук настойчиво вырывал мое сознание из крепкого сна.

– Марта! Марта!

Я с трудом разлепила ресницы, привстала и всмотрелась в темноту спальни. Никого.

Прислушалась. Никаких голосов.

Почудилось, что ли?..

Я снова легла и закрыла глаза, но сон как ветром сдуло.

Я лежала, боясь шелохнуться.

Однако вскоре меня вновь начала одолевать дремота, и через некоторое время я погрузилась в забытие.

– Марта! – опять, как иглой впиваясь в мой сон, послышался заунывный голос.

Откуда-то снизу.

Я вскочила на постели.

Напрягла слух. Тишина.

Не к месту припомнились страшные повести Гоголя.

Внезапно меня начала колотить мелкая дрожь. Трясаясь как под током, я рывком нырнула под одеяло с головой и непроизвольно вжалась в кровать с такой силой, что она

хрустнула где-то внутри.

Из кровати меня не смогла бы сейчас вытащить даже самая великая сила.

Я была уверена, что больше не усну.

Более того, была уверена, что так и не уснула, а всю ночь не смыкая глаз лежала под одеялом, не в силах пошевелиться от страха.

Однако, когда в уши, рассекая тишину, ворвалась противная трель будильника, оказалось, что я спала, да вдобавок так крепко, что даже не сразу ее услышала.

Когда, наконец, я сообразила, что к чему, и открыла глаза, выяснилось, что голова моя, как и полагается, лежит на подушке, не прикрытая одеялом, за окном уже светло, и никаких призраков нет и в помине.

Уверенная, что мне просто приснился кошмарный сон, я бодро встала с постели и, сладко потянувшись, направилась в ванную.

После принятия освежающего утреннего душа кошмар рассеялся, и в голову стали постепенно просачиваться мысли о работе и планах на день. Наверно, я вчера просто переутомилась.

По-быстрому выпив чашечку кофе, я выскочила из дома около восьми. Надо найти остановку, дождаться пятнадцатого трамвая, узнать его график, маршрут и засечь время до улицы Колокольной, где находится наша редакция.

На улице было пасмурно и холодно; холоднее, чем вче-

ра. Вспомнив свою вчерашнюю траекторию, я выбралась из плотно обступивших дом многоэтажек на дорогу и пошла в сторону уже знакомого магазина и башни. Интуиция подсказывала, что где-то поблизости должна быть трамвайная остановка.

Я шла медленно и при тусклом свете дня с любопытством рассматривала улицу. Проспект Касаткина предстал во всем своем великолепии. Вдоль широкой дороги по другую ее сторону стояло высокое здание в готическом стиле, из темного камня, с барельефами и лепниной на полукруглых балконах; налево вглубь уходила дорога с фонарями по краям и видневшимся вдали роскошным фонтаном. Далее к дороге примыкало вполне современное здание с надписью «Казино», еще чуть дальше располагался банк со странной вывеской «Банк Фридриха Якобса», за которым пестрели вывески других магазинов и учреждений.

Все это меня бесконечно удивляло, и я сама не могла понять, почему.

Вроде бы обычная улица – широкая, красивая, богатая. И то, что старинные дома перемежаются с новыми, – тоже не редкость. И банк Фридриха Якобса, в принципе, нормальное явление – на улице Некрасова, где находится наша с мамой квартира, в прошлый четверг открылась кондитерская «Пирожкофф и дочери»...

Незаметно я поравнялась с вчерашним супермаркетом и прошла чуть дальше в поисках остановки.

И только тут до меня дошло, что на всем проспекте кроме меня никого нет, и стоит неестественная, какая-то мертвая тишина.

И каждый мой шаг отдается звенящим эхом.

И сам воздух проспекта Касаткина наполнен какой-то хрустальной неживой пустотой.

Я никогда не испытывала такого странного чувства.

Не успела я подумать об этом, как прямо в тон моим мыслям из магазина вышла женщина в темном пальто и шляпе. В руках она держала ридикуль, наподобие того, с каким я играла в детстве у бабушки в Калуге. Кажется, он принадлежал *ее* бабушке.

Я бросилась наперерез своей жертве.

– Извините, не подскажете, где остановка пятнадцатого трамвая?

Она повернула ко мне голову и приветливо улыбнулась.

От этой улыбки повеяло необъяснимым страхом.

Я одернула себя. Похоже, это все еще влияние ночного кошмара.

– Да вот же она, за вашей спиной!

Глаза женщины были спрятаны за затемненными очками.

Я оглянулась и увидела метрах в трех в сторону вчерашней башни небольшую аккуратную остановку.

Вчера я ее не заметила.

Ни с того ни с сего вдруг почудилось, что, когда я обернусь назад, женщина как сквозь землю провалится.

В тревожном предчувствии я покосилась в ее сторону.

Но женщина оказалась на месте и на мое «спасибо» вежливо ответила «пожалуйста».

На остановке, вопреки ожиданиям, маячили люди, и я совсем успокоилась: наверно, в этом районе в восемь утра ждут трамвая только случайно попавшие сюда экземпляры наподобие меня. А основной, как выразился водитель лимузина, контингент только проснется часам к десяти.

В эту минуту подошел пятнадцатый трамвай, и все ожидающие безмолвно погрузились в него.

Когда трамвай отъехал, я услышала отдаленный бой часов на башне. Поневоле прислушалась и едва не лишилась сознания: девять часов! Я же вышла из дома в восемь! Не может быть, чтобы путь от дома до остановки занял целый час!

Поразительно: такой шикарный район, и никто не озабочится тем, чтобы починить часы, которые бьют на всю округу и сбивают людей с толку!

– Вам куда ехать, девушка? – услышала я над ухом бесцветный голос, больше похожий на шелест, и, повернув голову, увидела женщину-кондуктора с сумкой.

– На Колокольную улицу, остановка «Дом печати», – подробно ответила я и вынула из кошелька десятку.

Кондуктор взяла деньги, оторвала билет и протянула мне вместе со сдачей.

– А как долго мне ехать? Скоро моя остановка?

– Я объявлю.

Я опять мысленно вернулась к часам на башне. Вчера мне тоже показалось, что они спешат, но, может, это мои часы отстают?.. Очень не хотелось бы опаздывать, учитывая милость, которую мне оказал Андрей Данилович!

Я полезла в сумку за сотовым, чтобы проверить время. Но, как назло, он опять провалился за подкладку и чтобы найти его, пришлось перерыть всю сумку. И в тот самый момент, когда я, ругаясь про себя на чем свет стоит, вытащила его наружу, сквозь плотную завесу облаков внезапно пробилось долгожданное солнце и во все трамвайные окна хлынул яркий свет и на несколько секунд ослепил экран телефона.

– Дом печати, – громко объявила кондуктор, и трамвай остановился.

Схватив сумку за бока, я бросилась к выходу.

У Дома печати вышла я одна, остальные поехали дальше.

Я была уверена, что сейчас должно быть около половины девятого – ехала я не больше пятнадцати минут, – и посмотрела на часы чисто автоматически, чтобы просто подтвердить свою уверенность.

Пятнадцать минут десятого!

Сломав голову я бросилась в сторону редакции «Живого слова» и чуть не сбила с ног высокого кучерявого парня в куртке. Ожидая потока ругательств, я инстинктивно вжала голову в плечи, но он неожиданно по-доброму рассмеялся, показав безукоризненные зубы.

Отчего-то этот беззаботный смех подействовал на меня

как вливание свежей крови. Я словно наполнилась какой-то потерянной силой и продолжила бег с ощущением второго дыхания.

Ворвавшись в редакцию и едва успев проскользнуть незамеченной под самым носом у шефа, я постаралась на время выкинуть все из головы и моментально погрузилась в нескончаемую кучу дел.

В квартиру отца я вернулась около восьми вечера, нагруженная вещами с улицы Некрасова.

Это просто удача, что пятнадцатый трамвай там тоже останавливался.

В квартире все было тихо и спокойно. Я уже начала понемногу к ней привыкать. Радостно напевая, сняла куртку, переобулась в принесенные с собой мягкие тапочки и хотела пройти напрямиком в свою спальню...

НАДО ЗАЙТИ В ГОСТИНУЮ –

подкралась невесть откуда взявшаяся мысль.

Нет, не пойду,

– воспротивилась я.

И, словно против какого-то невидимого течения, начала подниматься наверх, чтобы облачиться в домашний халатик с рыбками, который мама прислала мне из Барселоны.

Мысль о том, что хочешь-не хочешь, а надо спуститься назад, на кухню, чтобы приготовить ужин, отчего-то вызвала легкую панику.

Оттого, что надо будет пройти через гостиную.

Я не могла понять, что со мной происходит. Квартира мне очень понравилась, поразила своим великолепием, практически все вещи и предметы были достойны экспозиций лучших музеев. Бывает, конечно, такое, что я немного побаиваюсь темноты, но только в тех случаях, когда мне угрожает реальная опасность. Например, предпочту сидеть без хлеба, чем сбежать поздним вечером через полквартила в ларек (правда, на сигареты это не распространяется). Однако когда нет никакой реальной опасности, ни темнота, ни тишина меня не смущают. Я совершенно спокойно живу одна на улице Некрасова, и никакие ночные звуки или внезапно пробежавшая по потолку полоска света не способны ввергнуть меня в трепет.

Наконец, голод пересилил необъяснимые тревоги, и я, медленно спустившись по ступенькам, решила проникнуть в кухню окольным путем, через дверь под лестницей.

Высокая дверь скрипнула, отворилась, я оказалась на кухне и приступила к приготовлению ужина. Почистила и поставила на плиту картошку, засунула в духовку нанизанные на вертел куриные крылышки, включила гриль и завела таймер на полчаса.

После чего села на удобный стул с выгнутой спинкой и полукруглыми ножками и засмолила сигарету.

Через некоторое время какая-то сила стала тянуть меня в сторону соседней комнаты. Несколько минут я пыталась ей противостоять, но, в конце концов, не удержалась и загля-

нула в столовую. Темно и тихо. Мертвая, пронзительная тишина. Я щелкнула выключателем, и большая медная люстра осветила прозрачный буфет, широкий стол и ряд стульев.

Все на своих местах.

Я сделала шаг внутрь столовой.

За ним – еще один.

Возвращайся в кухню, Марта! – надрывался внутренний голос.

Но остановиться было невозможно.

Я медленно пересекла столовую и вплотную подошла к дверям гостиной.

И распахнула их.

Свет из столовой слабо осветил очертания дивана, силуэты картин и папирусов на стенах.

Вытянув руку вдоль стены, я включила свет и начала медленно оглядывать комнату с противоположной от портрета стороны.

Изящный старинный натюрморт в дорогой раме.

Низкое кресло с широкими подлокотниками.

Такой же диван.

Огромное окно с плотными темно-лиловыми шторами.

Ореховый столик со статуэткой, морской пейзаж с изображением шторма, еще одно кресло...

Взгляд неумолимо приближался к портрету.

Остались только часы.

Я невольно прилипла к ним глазами, пытаюсь не сдвигать

взгляд с места. Подробно рассмотрела изображения прекрасных дам и храбрых моряков. Отметила время – десять минут девятого. Осторожно переместилась на гири...

Не выдержал он и глянул, – шибанула в мозг строка из «Вия».

Не выдержала я – и глянула.

Ну, и чего я боялась?

Портрет был поистине прекрасен. Отец наверняка заказал его у признанного художника. Необычный сюжет, сочетания красок, оттенков, полутонов – все свидетельствовало о высоком мастерстве живописца. От полотна было невозможно оторвать глаз. Картина казалась живой – луг цвел, река шумела, мост поскрипывал под тяжестью фигуры отца, а он сам, опираясь на перила, смотрел мне прямо в глаза, и казалось, что он вот-вот моргнет... Мне не нравился только черный лес позади отца. Он стоял сплошной высокой стеной и будто затягивал в свою страшную глубину, от него веяло жутью. С ярким летним лугом он контрастировал как день и ночь, как небо и земля.

Как жизнь и смерть.

В момент кульминации моих размышлений раздался пронзительный трезвон таймера.

«Курица!» – опомнилась я и кинулась на кухню.

Ужин прошел чудесно. В буфете обнаружилась початая бутылочка бренди, и пара рюмочек весьма скрасила мой одинокий вечер.

Остатки этого вечера я провела в спальне перед телевизором, потом незаметно уснула.

Никакие голоса в эту ночь меня не тревожили.

Глава пятая

Наутро за окном снова было пасмурно и туманно. На этот раз, помня вчерашнюю путаницу со временем, я вышла из дома пораньше, и очень правильно сделала, потому что каким-то непостижимым образом опять добиралась до остановки целый час. Народу на улице было немного, трамвай подошел вовремя, на работу я прибыла без опозданий, и день потек своим чередом.

Время от времени мысли мои возвращались к портрету.

Вскоре я поймала себя на том, что не могу забыть о нем ни на минуту. То и дело перед глазами вставал притягивающий взгляд отца.

Я словно до сих пор ощущала его на себе.

– Ты что сегодня такая сосредоточенная? – ехидно спросила коллега по работе и заклятая подружка Дина Мигунова.

– Что?.. – с трудом отвлеклась я от своих дум.

– Ты в последнее время постоянно в какой-то прострации.

– Дел много, – отмахнулась я. Не хотелось вступать в беседу.

– Что за дела? – Она с любопытством приблизила ко мне свою острую мордочку.

Сейчас я ей сообщу, что получила в наследство двухэтажную квартиру в центре, и погляжу, как она переко-

сится от зависти.

Но что-то удержало меня от признания.

– Обычные дела.

– Не понимаю, какие у тебя могут быть проблемы? Мужа у тебя нет, детей тоже...

Сердце горько защемило. Я закусила нижнюю губу.

– ...мать в Испании вся в шоколаде. Живи и радуйся! Это нам, замужним бабам, тяжело. Приготовь, постирай, убери; то в театр с ним надо тащиться, то в гости...

Бедняжка тяжело вздохнула, сокрушаясь о своей горькой доле.

– Куда же деваться, я уже привыкла. Что поделаешь, он меня любит, постоянно украшения дарит. – Она закатила глаза. – Мне уже это золото надоело давно, просто обижать его не хочется... Вчера, смотри, что опять подарил.

И она протянула ко мне костлявый пальчик с тоненьким колечком с фианитом.

– Вообще-то ты права, что не связываешься с мужиками, – продолжала она изливать свою желчь. – Они сейчас такие избалованные, всем подавай богатых да красивых, а простые вроде тебя, в дешевой курточке и без денег, никому не нужны, только так, на одну ночь... И тратиться на подарки таким никто не будет... Если только на твою квартиру кто-нибудь позарится, тогда, может, женится, а так вряд ли... Да в принципе и квартира так себе – маленькая, на окраине...

Она рассуждала как будто искренне мне сочувствуя, но за

этим крылось ее мелочное и гнидское нутро.

– Если только какого-нибудь деревенского найдешь. В ушанке и с вилами, – не удержалась-таки и ужалила ядом Мигунова.

У меня возникло стихийное желание отвернуть ей башку.

– Но не все же такие, – скрепя сердце, возразила я в миролюбивом тоне, – не все способны только брать. Есть и те, которые отдают.

И тут меня, что называется, понесло, и я добавила:

– Вот мой парень, например, каждый день дарит мне свежие розы. А вчера преподнес антикварное кольцо с изумрудом.

Мигунова разинула поганую пасть.

– Закрой рот, кишки простудишь, – дружески посоветовала я.

– Какой еще парень, – придя в себя, усмехнулась она, – нет у тебя никакого парня.

– Ты уверена?

Она запрокинула голову назад и захохотала.

– Ну, уморила, подруга! Кольцо с изумрудом! И где же оно?

– Такие вещи каждый день не носят. Это благородный камень, – адаптировала я к изумруду фразу Корсакова об абсенте.

К нашему разговору внимательно прислушивалась вся редакция.

– Это же не дешевые фианиты, – добила я подругу.

– У Марты вкус изысканный, с ней фианитами не отделаешься! – изрек из своего угла Глеб Вереницын.

Мигунова скривила узкий ротик.

– А-а, – коварно протянула она. – Ну что ж, в четверг, если ты не забыла, юбилей нашей газеты, вот и приходи в этом кольце.

Я похолодела.

А вслух сказала:

– Я как раз его и приберегала для такого случая.

И ослепительно улыбнулась мерзкой интриганке.

В душе я кляла себя на чем свет стоит.

И черт меня дернул ляпнуть про это кольцо! Ну откуда оно возьмется у меня к четвергу?!

Я представила злорадную ухмылку Мигуновой, когда я появилась на юбилее «Живого слова», пряча руки за спину.

Нет, я не доставлю ей такой радости.

Кольцо к четвергу надо достать хоть из-под земли.

Единственное, чему я была рада – так это тому, что моя нечаянная глупость до конца дня вытеснила из головы мысли о портрете отца.

Сегодня я опять задержалась на работе и вышла из редакции без двадцати десять. Я засиделась бы и дольше, но меня подгоняла мысль о трамвае. Вдруг он ходит только до десяти? Как это ни покажется невероятным, но я до сих пор не знала ни графика трамвая №15, ни его маршрута. Каждый

раз я собиралась это выяснить, но все время возникала какая-нибудь неожиданная помеха.

Размышляя об этом, я заспешила на остановку.

На остановке переминались с ноги на ногу несколько припозднившихся граждан. Никакого транспорта в обозримом пространстве видно не было. У меня тревожно сжалось сердце.

Надо посмотреть на табличке расписание пятнадцатого трамвая.

В случае чего поеду на улицу Некрасова и переночую там. А если позвонит Корсаков, навру потом, что была в ванной.

Только я приняла это решение, как в сумке зазвонил мобильный. Не без труда выудив его оттуда, я услышала голос Корсакова.

– Добрый вечер, Марта Вильгельмовна! Вы где же это бродите так поздно? Я вам звоню-звоню домой...

Что-то не припомню, чтобы я давала ему номер сотового.

– Ваш телефон мне подсказали в редакции. Я только что туда звонил. Извините за назойливость, но я в некотором роде отвечаю за вас как представитель наследодателя.

– Со мной все в порядке.

– Надеюсь, вы помните, что должны ночевать в наследуемой квартире?

Как он узнал?..

– Не волнуйтесь, я все прекрасно помню. Сейчас как раз

жду трамвая, чтобы туда ехать.

– Не хотелось бы передавать наследство в Фонд академии наук.

– В какой Фонд академии наук?

– Советую вам внимательно прочитать завещание. До скорой встречи.

И он отключился.

В ту же секунду подошел пятнадцатый трамвай, и я впрыгнула в него, не успев посмотреть табличку.

На этот раз трамвай работал без кондуктора.

И я оказалась единственным пассажиром.

Полная решимости, я подошла к кабинке водителя и прокричала сквозь стекло:

– Скажите, по какому маршруту идет этот трамвай?

Он ответил в микрофон:

– Трамвай следует до проспекта академика Касаткина.

Отойдите назад, вы мешаете обзору.

Я послушно отошла.

В конце концов, не все ли равно, как он идет? Главное, что в итоге я попадаю туда, куда надо.

По пути к дому я почему-то стала думать о Корсакове. В голове всплыла череда странностей. Например, наша с ним первая встреча, когда он возник, как черт из табакерки. Я отчетливо вспомнила, что, когда пересекала под дождем улицу, она была пуста. Откуда же он взялся за моей спиной? Сказал, что ждет меня уже два часа... Где же он меня ждал? Подъ-

езды были закрыты, машин, кажется, поблизости не было... Или были?

Да, но если он был за рулем, то как он мог глушить абсент? Может, потом взял такси? Но тогда опять-таки – где он меня ждал?

И как вообще он понял, что я – это я? Он же меня раньше никогда не видел. И потом, это мое загадочное перемещение с лестничной клетки в прихожую...

И все эти пугающе точные попадания в мои мысли...

Кто он такой? Точно ли он адвокат? А если нет, тогда что ему от меня нужно? – продолжала я рассуждать, уютно устроившись на кухне перед тарелкой с наскоро приготовленным омлетом.

И ничего не могла понять.

Внезапно мне показалось, будто кто-то меня позвал.

Из гостиной.

Я замерла с вилкой у рта.

Прислушалась.

Тишина.

Ну кто может меня звать? Здесь же никого нет!

Но мне ясно послышалось, как кто-то произнес мое имя!

Принятая незадолго до этого рюмочка бренди придала мне капельку бесстрашия.

Надо принять еще одну и пойти посмотреть.

Трясущейся рукой я наполнила рюмку и залпом выпила.

Но пойти в гостиную все никак не могла решиться.

Опять прислушалась. Ничего. Дом был погружен в безмолвие, только недавно начавшийся дождь барабанил в окна.

Бренди теплой волной разливалось внутри. Я начала позевывать. Как все-таки здесь уютно!

Только иногда мерещится черт-те-что.

Я налила себе крепкого кофе в чашечку из китайского фарфора и закурила. Страх притупился, на смену ему пришла безбашенная смелость.

А пойду-ка я посижу в гостиной перед камином.

Мысль меня вдохновила, и я, недолго думая, захватив кофе, сигареты и бренди, двинулась в сторону гостиной.

Зажгла камин, пододвинула к нему одно из кресел и усе-лась нога на ногу (в одной руке кофе, в другой – сигарета) лицом к камину.

Полубоком к портрету отца.

Весело потрескивающие дрова в камине, мерно стучащий дождь, отблески пламени на стене – все создавало романти-ческую атмосферу рыцарского замка в какой-нибудь средне-вековой глухомани.

Время от времени отпивая кофе из чашки, я начала напе-вать:

– Девушка в белом у замка стоит,

Нежной рукою принца манит:

«Что же ты, принц? Ты не бойся меня!»

Принц от волнения пришпорил коня.

Постой, куда коня ведешь?..

Ведь смерть свою ты там найдешь!

Она пленит тебя, потом

Навек оставит в замке том...

Я блаженно потянулась в кресле. Настроение было прекрасное. Бренди, кофе и великолепный нефритовый камин сделали свое дело. Интересно, как там мой высокий, красивый папашка на портрете неизвестного художника? – игриво подумала я.

И медленно повернула голову.

В полумраке комнаты портрет казался большим темным пятном на стене.

Я достала зажигалку с фонариком и осветила на него.

Все было на месте, *а как же иначе?* Черные деревья плотно прижаты друг к другу, внизу бежит река, меняя цвет от темно-серого к голубому, на лугу растут яркие цветы и зеленая трава, а папашка по-прежнему стоит на мосту, опираясь на перила. Ничего не изменилось.

Как и следовало ожидать.

Я зевнула.

И застыла с прижатой ко рту ладонью.

Нет, изменилось.

Я взгляделась в портрет, отказываясь верить глазам.

Фигура отца стояла уже не так близко к лесу.

Но этого не может быть!..

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!

...Да нет, определенно, он стоит уже не вплотную к черной непроходимой стене,

словно он немного отошел от нее.

Я потерла лоб. **ЭТО ВСЕ ЧЕРТОВО БРЕНДИ.**

Надо, кстати, еще выпить.

Я вернулась в кресло и царственным жестом поднесла к губам до середины наполненную рюмочку.

И снова затянула прерванную на время песню.

– Хрустальный замок до небес,

Вокруг него дремучий лес,

Кто в этот замок попадал,

Назад дорогу забывал...

Внезапно совсем рядом раздался какой-то звук, похожий на скрип дерева. Я остановилась на полуслове.

Может, это мое кресло скрипит?

Скрип повторился, на этот раз громче и протяжнее. Он доносился с левой стороны.

Я мгновенно словно приросла к креслу.

Все смолкло, вновь наступила тишина, но это была уже другая тишина.

Она как будто зловеще обступала меня со всех сторон.

Из последних сил я пыталась воззвать к голосу разума и убедить себя, что это скрипело мое кресло, но тут среди наступившей тишины явственно послышался глухой шелест

деревьев.

Рюмка с остатками бренди выпала из дрогнувшей руки, и хрупкое богемское стекло тотчас же разбилось на несколько мелких осколков.

Шелест усилился, словно невидимый лес чуть приблизился; воздух неожиданно изменился – он как-то посвежел, будто рядом находился водоем, и я почувствовала сладкий аромат луговых трав.

Надо бежать отсюда!

Но я не могла подняться с места, страх сковал меня по рукам и ногам.

Запах достиг невероятной концентрации и стал удушающим; шелест постепенно превращался в бешеный свист, в комнате поднялся ветер, и...

Если ты не встанешь с этого кресла сейчас, то не встанешь уже никогда, – хлестнула меня отчетливая мысль.

Собрав все силы, я вскочила с кресла и, не поворачивая головы, выбежала в столовую. Правую ступню пронзила острая боль – меня угораздило наступить на осколок рюмки. Через столовую, не разбирая дороги, я неслась вверх по лестнице, пока не достигла своей спальни.

Вот, наверно, удивился бы сейчас мой школьный учитель физкультуры!

В спальне я перевела дух, сердце ходило ходуном. Пока я летела, из меня единым махом вышел весь хмель. Из разрезанной ступни сочилась кровь.

Нечаянно взгляд упал на будильник – десять часов.

Как же так?! Я ведь пришла в одиннадцатом часу... Стоят, что ли?

Снизу донесся отдаленный бой больших часов в гостиной.

Десять.

Меня прошиб холодный пот.

Что за чертовщина? То я целый час иду до остановки, до которой рукой подать, то прихожу домой раньше, чем вышла с работы...

От всего пережитого голова шла кругом.

Надо покурить.

Сунула руку в карман халата – сигареты и зажигалка на месте.

Дрожа, как мокрая мышь, я, шатаясь, вышла на балкон и буквально наткнулась на плотную кромешную темноту. Воздух еще уплотнился, казалось, его можно хватать руками.

Боже правый, куда я попала?

Что со мной?

ПОМОГИ!

В голове высоким и чистым голосом зазвенела песня:

Звон звон звон

Малиновые реки

Испокон веки

Ходил на поклон

*Падал на ступени
Все обиты пороги
В кровь истерты колени*

Я бросилась обратно в комнату и упала на постель.
Не помню, как я заснула.

Глава шестая

Проснулась я в восемь утра *по местному времени* в совершенно разбитом состоянии. Приподнялась на постели. За окном который день был промозглый сумрак и ни малейших признаков солнечного света.

Что поделать, поздняя осень...

Я вылезла из постели, взяла сигареты и, хромая, вышла на балкон, чтобы покурить и немного прийти в себя. Слава богу, сегодня суббота, и на работу спешить не надо.

За окном открылась панорама города. С высоты двадцать второго этажа я увидела парк с облетевшими деревьями, скамейками и скульптурой, за парком – знакомый супермаркет, возле которого проступало пятнышко трамвайной остановки. Из-за супермаркета выглядывала величественная башня с неправильно идущими часами. Весь пейзаж был отчетливо виден. Куда же он девается вечером?

Словно его сжирает наползающий мрак?..

Внезапно меня охватило необъяснимое тягостное чувство. Захотелось одеться, взять все свои вещи и бежать отсюда куда глаза глядят.

Я вынула из пачки вторую сигарету. Щемящая тоска неодолимой силы, будто клещами, сжала сердце. Что-то из самой глубины души с надрывом кричало:

Не могу здесь большие. Не могу!

Вспомнились подробности вчерашнего вечера. Шум леса, дурманящие запахи трав, скрип моста, влажный речной воздух, и – страх, приковавший к месту, ужас, проросший в самое сердце.

Сквозь тяжелую, тревожную, мучительную тоску изо всех сил продирался голос разума.

С чего все началось? Кажется, со скрипа кресла? А как же ему не скрипеть, когда ему почти сто лет?

А жуткий шум леса?..

А ты вспомни, сколько в тебе сидело к тому времени? Помнишь, как в песенке поется: «Выпил рюмку, выпил две, зашумело в голове...»

А душливные запахи?

Милая моя, а ты бы не курила по пачке в день, глядишь, и запахи перестали бы душить...

А отец?..

Внутренний голос только посмеялся надо мной.

Это все твое пьяное воображение, дорогая фройлейн. А пропусти ты еще рюмочку, отец не только прогулялся бы по мосту, а сошел бы с картины и посидел с тобой у камина...

Голос меня как будто убедил; он умел все так просто объяснить!

Но, несмотря на это, заходить в гостиную почему-то чертовски не хотелось. Хотя надо бы подмести осколки и вытереть кровь с пола...

Я уберу в гостиной...

позже

...и больше туда ни ногой!

Это обещание выглядело двусмысленно.

Я пошевелила порезанной ступней.

Если ранят тебя сильно, себе рану первяжи, – вспомни-
лась песня гражданской войны.

Безуспешно обшарив в поисках аптечки обе спальни и ванную, я заковыляла по лестнице вниз. Спустившись, поразмыслила: где бы она могла быть?

На первом этаже царили покой и умиротворение.

С замиранием сердца я взглянула на дверь гостиной.

Дверь поманила войти.

Нет!..

Я сделала шаг.

Нет, нет!

Я отчаянно затрясла головой и, волоча за собой ногу, попятилась в сторону отцовского кабинета.

Может, там найдется хотя бы пузырек йода или кусочек
пластыря?..

Приоткрыв дверь, я заглянула в пустую комнату, озираясь по сторонам, потом вошла и притворила за собой дверь.

Мне показалось, что в кабинете как будто накурено; чтобы удостовериться, я втянула носом воздух. Точно, накурено!

Я вчера, конечно, переборщила с курением, но ведь я кури-
ла в гостиной...

И запах какой-то особенный; не такой, как от моих дешевых сигарет, а ароматный, с привкусом ванили.

Это-то как объяснить?!

Внутренний голос молчал.

Я почувствовала, что на меня опять начало накатывать желание уйти отсюда навсегда.

Сейчас я только обработаю ногу, созвонюсь с подружками и свалю отсюда до вечера.

Опять обрастая только что с таким трудом изгнанной тревогой, я начала рыться в шкафу, но там не было никаких шкатулок или коробочек с лекарствами,

а если бы и были, лекарствам было бы уже лет десять.

Бинт и пластырь, правда, не имеют срока годности.

Перебирая старые журналы, я из любопытства открыла один из них. Полистала. Журнал представлял собой сборник научных статей, выпускаемый академией наук в советские годы.

Может, тут есть и изыскания моего отца, *которому не стоит спокойно в портрете?*

И тут же, перевернув страницу, я увидела его статью. Судя по сложному названию, она была посвящена средневековой схоластике. Схоластика находилась вне моей компетенции, поэтому оценить, насколько глубоки познания отца, я не могла. Но зато я прочитала предшествующую статье краткую биографию автора.

«Краузенштайн Вильгельм Карлович – молодой, но

необычайно талантливый ученый, кандидат наук, доцент кафедры философии института славянской письменности и литературы...»

В этом институте училась моя мама!

Далее перечислялись его научные работы, сообщалось, что он внес существенный вклад в изучение и осмысление различных аспектов... и т.д.

В других журналах, которые я стала с интересом рассматривать, тоже время от времени попадались его статьи, к которым прилагалась та же самая аннотация, с той лишь разницей, что в более поздних выпусках отец уже именовался не доцентом, а профессором; не просто талантливым, а видным ученым, и, наконец, мне попалась большая посмертная статья, как сообщалось – неоконченная, в предисловии к которой значилось, что от нас ушел светило философии, человек редчайшей одаренности и невосполнимая утрата для науки академик, член-корреспондент академии наук В.К.Кразузенштайн.

На табличке над входной дверью значится «профессор», – почему-то вспомнила я. – Старая, наверно.

Как бы вскользь в статье было сказано, что отец погиб при невыясненных обстоятельствах.

Я продолжила свои исследования и вскоре наткнулась на журнал, даже, скорее, альманах, изданный в ФРГ на немецком языке. Знанием немецкого я обладаю весьма скудным, однако кое-какие отрывки смогла перевести и выяснила, что

отец родился в небольшом местечке в Западной Германии, в богатой семье, принадлежащей к знатному немецкому роду; далекие предки его были чуть ли не приближенными курфюрста.

Вот это да! Вот так папу я неожиданно обрела!

Называется, не было ни гроша, да вдруг алтын!

Только этот алтын почему-то очень жжжет руки.

Я сложила журналы аккуратной стопкой, вернула на место и вздохнула. Аптечка так нигде и не попалась.

Я оглядела кабинет. Где бы еще поискать?..

В коридоре раздались тихие шаги. Они были едва слышны.

Но я их услышала.

Подбежала к двери и резко распахнула ее.

Выглянула наружу.

Никого.

Но дверь гостиной прикрыта, кажется, уже не так плотно...

Тревога густым потоком опять начала просачиваться внутрь, заполняя все без остатка.

Но внутренний голос снова неловко попытался списать все на мое утреннее похмелье, тяжелую ночь и буйную фантазию.

Я вернулась в спальню несолоно хлебавши. Выглянула в окно. На улице начал накрапывать дождик, который усиливался с каждой минутой.

Погода явно не для прогулок.

Да ладно бы еще погода, но нога...

Мысленно взвешивая, что лучше – хромая, брести по улице под дождем или сидеть в шикарной обстановке в тягостном состоянии, я решила избрать третий вариант: пригласить кого-нибудь в гости. Выходные я обычно проводила с подружками, Оксаной Филоновой или Альбинкой Ступниковой: мы ходили в театр или на концерты, сидели в кафешках, слонялись по городу или зависали друг у друга в гостях. Пожалуй, это удачная мысль.

Я вызвонила Оксанку, но та оказалась в пригороде у матери. Ну, что ж, значит, первой мой дворец потомка приближенных курфюрста увидит Альбинка.

Я представила, как открою ей дверь, и она рухнет на паркет при виде всей этой роскоши.

В предвкушении этой столь приятной реакции я набрала номер. Альбинка Ступникова работает в священном месте: госпитале ветеранов войн. Сегодня она должна быть в первую смену.

– Привет, Альбинон, – сказала я, услышав бодрое «Алло».

– Марта! – обрадовалась она. – А я как раз сегодня собиралась тебе позвонить. Ты не представляешь! Этот Серега...

– Это какой Серега? Водитель депутата?

– Какой водитель депутата?.. – пауза. – А-а! Ну, Марток, ты отстала от жизни.

Немудрено отстать от жизни при Альбинкином вихре

страстей.

– Нет, это уже другой Серега, бармен. Из кофейни. Ну да это неважно... В общем, мы вчера собрались с ним в пиццерию. Так он, представляешь!.. – Не договорив фразы, Альбинка разразилась звонким хохотом и тут же, оборвав его, грозно заявила:

– Все правильно выписал. То, что надо.

– Что он выписал? – не поняв, переспросила я.

– Я вам еще раз повторяю, это аналог. Вашего лекарства сейчас в наличии нет.

А, так это она пациенту!..

В трубке послышалось отдаленное роптание ветерана войн.

– Алло! – вновь объявилась на проводе Альбинка. – Марток, говори короче: какие планы на сегодня?

– Приезжай ко мне, как закончишь! Только я не дома. Вернее, не совсем дома. У меня сногшибательная новость...

– А-а, – многозначительно протянула Альбинка, – понимаю! И куда же приехать?

Она, конечно, подумала, что я у какого-нибудь парня. О, что ей предстоит узнать!

Я сообщила адрес и объяснила, как доехать.

– На пятнадцатом трамвае?.. – озадаченно переспросила подружка. – По-моему, от госпиталя он не ходит. По крайней мере, я ни разу не видела.

– Тогда пройди пару остановок пешком и садись от моего дома, с улицы Некрасова, оттуда уж наверняка доедешь, – предложила я.

– Куда это тебя занесло?.. – удивилась Альбинка. – Я и проспекта такого не знаю!

При этих словах мне невольно вспомнились пятеро таксистов, которые тоже не знали такого проспекта. На душе цапнули кошки. Но я решила не давать сомнению пустить корни, а добавила:

– Приезжай быстрее, я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

– А долго туда ехать?

На этот раз на память пришли все эпизоды, связанные со странным течением времени.

Но я сама не могу в этом разобраться...

– Да нет, минут двадцать.

– А это не у Бородиной?

– Что?..

– Лекролин – это глазные капли, – просветила меня Альбинка. – Зайдите в пятый кабинет к Бородиной Ирине Викторовне. Я буду где-то к двум.

– Где это ты будешь к двум?! – напугалась я. – Ты же работаешь до часу! Я думала, к двум ты будешь уже у меня...

– А я тебе и говорю. Трамвай часто ходит?

У меня отлегло от сердца.

– Я дольше пяти минут никогда его не жду.

– Значит, к двум или чуть раньше. Сногшибательная новость, говоришь? Я заинтригована!

И Альбинка повесила трубку, а я быстренько собралась в магазин.

Глава седьмая

Дождь, кажется, зарядил надолго. На сером небе не было даже крохотного просвета. В джинсах и куртке, которую заклеила позором Мигунова, я брела по унылому проспекту, стараясь не наступать на правую пятку. Навстречу попадались редкие прохожие. Они были очень похожи друг на друга – все шли поодиночке, бесшумно, в темной одежде, серой, темно-синей или черной, длинной и глухой, и напоминали скользящие тени. И опять меня поразила ненатуральная тишина – как в безлюдном поле морозным утром. Настроение стало совсем пакостным. Согревала только мысль об Альбинке. Скоро мы устроимся в гостиной...

Нет, только не в гостиной!

Пожалуй, в столовой.

Или даже в кухне, без церемоний – там так уютно! Сейчас я приготовлю салат, куплю креветок, апельсинов... Включим музыку, зажжем подсвечник из кабинета,

пить не будем. Иначе опять начнутся видения.

Лучше выпьем ароматного чаю – я видела в папином буфете жестяные узорчатые банки и пакеты из золотой фольги с самыми разнообразными сортами черного и зеленого чая...

Поглощенная радужными мечтами, я нечаянно наткну-

лась на идущего навстречу мужчину в черном пальто чуть ли не до пят.

Мне показалось, что я уперлась не в твердое упругое тело, а в какую-то вязкую массу.

Удивившись необычному ощущению, я подняла на него глаза. Наши взгляды встретились, и мурашки пробежали по моему телу. Из-под надвинутой на лоб шляпы с небольшими полями на меня глянули холодные безжизненные глаза, как будто завешенные серой дымкой.

Я хотела сказать «Извините», но язык точно прирос к небу. Но он и не ждал извинений. Он смотрел словно сквозь меня этими глазами, даже не глазами, а прозрачными прорезями вместо глаз. Я не могла оторвать от них взгляда и незаметно стала погружаться в какое-то небытие.

– Эй, девушка! – Человек потряс меня за локоть. – С вами все в порядке?

Я выпала из кратковременного транса. Передо мной стоял пожилой мужчина, глаза успели приобрести цвет и форму.

– Да, – прошептала я, таращась на него, – спасибо.

И, почувствовав ледящий холод от прикосновения его руки, непроизвольно отняла ее от своего локтя.

Мне показалось, что я ухватила какую-то не человеческую плоть.

Преследуемая ужасом, я как зачарованная смотрела, как неслышно удаляется в дождливый сумрак его согнутая черная спина.

И почему-то счастливым отголоском зазвучал где-то в глубине души звонкий залиvistый смех кудрявого парня, на которого я налетела у редакции. Вспомнились его яркие глаза с живым блеском и ощущение толчка, когда меня волной отшвырнуло от его молодой груди, упакованной в куртку.

А в этого мужика я вошла, словно нож в масло.

Я невольно содрогнулась.

...– Выбрали что–нибудь? – прошелестел над ухом бестелесный голос.

Я обернулась и поняла, что стою перед витриной с морепродуктами.

Я не помню, как я сюда попала. Опять начинается это внезапное беспмятство!

– Да, – коротко ответила я продавщице и напихала в сумку почти не глядя все, что подвернулось под руку.

Отдала деньги и потащилась со своей ношей к выходу.

– А бинт не будете брать? – донеслось в спину.

Фраза пулей прострелила мозг.

Я обернулась, потеряв дар речи.

– Возьмите бинт. И йод тоже, – и молоденькая продавщица в серой униформе выставила названное на прилавок.

Как во сне, я сгребла все в пакет, расплатилась и вышла.

Она предложила мне бинт и йод! Она что?..

Я боялась закончить мысль. Черной простыней душу опять начал обволакивать страх.

Господи, скорее бы приехала Альбинка!

Около дома в кармане зазвонил телефон.

Его звонок разрушил кладбищенскую тишину, царившую на проспекте.

– Алло! – закричала Альбинка. – Марта? Ты что, меня разыграла, что ли?

– В каком смысле? Я тебя жду. Приезжай быстрее!

– Да не могу я приехать! Я стою на остановке битый час, я больше не могу!

Я встревожилась. Альбинка уже на остановке?! Она вот-вот появится на пороге, а у меня еще конь не валялся!

Погоди, как...

– Как битый час? Сколько сейчас времени?

– Пять минут четвертого! Ты что, издеваешься?! Нет тут никакого пятнадцатого трамвая в помине! Я пошла домой!

Я хотела ей возразить, но она бросила трубку.

Вот те на! Как же его нет, если я регулярно на нем езжу?

Судорожно я набрала Альбинкин номер. Сейчас занесу покупки и сама за ней приеду!

Механический голос ответил, что абонент недоступен.

А может, просто КТО-ТО не хочет, чтобы она приехала?..

Вдруг до меня с некоторым запозданием дошел смысл сказанного. Я проснулась в восемь; копалась в кабинете отца... ну, где-то часа два. Альбинке звонила, самое большее, в половине одиннадцатого, потом сразу пошла в магазин...

Я оглянулась на стоящую позади башню. Так и есть –

15.05.

Нет, все это не случайно. Это не бренди и не абсент. Это какая-то уже закономерная чертовщина!

Я, не отводя глаз, уставилась на огромные башенные часы. Обойдя круг, стрелка медленно переместилась на мину-ту вперед. 15.06. Еще круг. 15.07. Я смотрела, пока не заболели глаза.

Часы шли верно.

Я засекала время. 15.10.

Сейчас поднимусь домой, и окажется, что время полдень или половина девятого вечера.

Войдя в квартиру, бросила пакет у входа и, не раздеваясь, сразу кинулась в гостиную.

15.11. Все правильно!

Мелькнула странная мысль: время обманывает меня. Сейчас я насторожусь, а стоит зазеваться...

Да нет, это же просто бред какой-то! Ну самая настоящая бредяттина!

Я окинула взглядом гостиную.

На полу у потухшего камина стояло кресло в том же положении, что и вчера. Возле него валялась разбитая рюмка, вокруг нее мелкие осколки. В столовую вела прерывистая кровавая дорожка.

Ну?..

Набравшись отваги, взглянула на портрет.

Завораживающие цвета, игра света и тени, старый мост,

быстрая река, угрюмый лес, красивый, молодой отец... Глаз не отвести!

Отец стоит там же, где и вчера – чуть отступив от леса.

Я опять засомневалась. Может, он и сразу там стоял? Я же в первый раз не особенно рассматривала детали.

Наверно, безумно дорогая картина, – пронеслась мысль. – Как только квартира станет моей, отнесу ее в музей изобразительных искусств.

Отец смотрел приветливо. Я бесстрашно глядела ему прямо в глаза.

Сними куртку, Марта.

Откуда эта мысль? Я и не думала про куртку!

Но вообще-то верно, нечего тут стоять попусту, надо заняться обедом, с самого утра во рту маковой росинки не было.

Надо снять куртку.

Удивляясь глупой навязчивой мысли, я вернулась в прихожую, разделась и с неподъемным пакетом, в котором находился предполагаемый ужин с Альбинкой, заковыляла на кухню. Стала выгружать продукты – нарезку красной рыбы, оливки, ароматный сыр с плесенью, две бутылочки пепси-колы... Внезапно мне стало так горько, что слезы предательски поползли по щекам. Так не хочется быть и сегодня одной! Одиночество уже и так пробралось под кожу, и очень редко удается выгнать его оттуда... Ну почему не подошел трамвай? Почему я смотрю на еду, а есть не хочется?..

А это еще откуда?

Я выудила из пакета небольшую бутылочку с зеленой жидкостью. Чешский абсент! Откуда он взялся? Я его не покупала! Хотя я в каком-то полубессознательном состоянии хватала все подряд... Нет, абсент – штука безумно дорогая, мне не по карману, и взять его я не могла. Как же он здесь очутился?

Я пробежала глазами по строчкам чека. «Супермаркет «На проспекте». Форель в нарезке, сыр, фейхоа... И вот, внизу, цветистая надпись: чешский абсент в подарок купившему бинт и йод»...

Так вот почему продавица навязывала бинт и йод! А я подумала, что она ясновидящая! Фу ты, черт!

Но вообще, напоминает театр абсурда. За бинт и йод – чешский абсент по 900 рублей за пол-литра! Уму непостижимо. Я еще раз взглянула на чек.

Нет ли там акции – скажем, за антицеллюлитную мочалку – домашний кинотеатр?..

Но других акций там не было.

А может, просто КТО-ТО хочет, чтобы ты выпила абсента?

Откуда эти мысли лезут в голову?!

Вытерев слезы, я обработала рану и забинтовала ногу, потом выложила на тарелку салаты, печеный картофель, сыр и прочее. Нарезала хлеб и села за стол.

Часы в гостинной пробили четыре.

Время течет нормально, отец стоит на месте, не морочь себе голову.

Ну, раз привалило такое бесплатное счастье, значит, придется-таки выпить.

Немножко.

Все еще колеблясь, я распечатала абсент.

Ваше здоровье, фройлейн Марта!

Откуда-то из глубины сознания пыталась пробиться тихая, но ясная мысль.

Не ней!

Мысль была очень хрупкой, но я ее услышала. И отставила абсент в сторону. Что-то подсказывало, что это правильное решение. Подумав, я убрала бутылку с глаз долой, на полочку буфета, и плотно закрыла его прозрачные дверцы.

И приступила к одинокой субботней трапезе.

Сейчас пообедаю, поваляюсь в ванне с журналом, а потом заберусь под одеяло и буду смотреть телевизор.

Но, о чем бы я ни думала, над всем черным куполом нависала необъяснимая, больная, всеобъемлющая тоска, выворачивающая наизнанку, пробирающая до самых костей.

Кое-как вернув подобие нормального настроения, я принялась за еду. По стеклам мерно стучал дождь, серый день незаметно перетекал в сумерки, а в квартире было тепло, тихо и спокойно. Покончив с обедом, я налила чаю в чашку с сюжетом из старинной китайской сказки – огромная слепая змея с разинутой пастью выползает из своего убежища, что-

бы сожрать первого министра императора, пришедшего вырвать ее сердце, дарующее власть.

Великолепный аромат разнесся по всей кухне. Отпивая божественный напиток из чашки, я, по обыкновению, закурила и впала в романтическое состояние. Все-таки это необыкновенная удача – ни с того ни с сего получить в наследство квартиру, да не просто квартиру, а *ТАКУЮ!* Интересно, как отнесется к этой новости мама? Я представила, как в следующий ее приезд мы втроем с господином Хоакином Родригесом расположимся в гостиной,

портрет отца к тому времени уже будет определен в музей,

и дон Хоакин, потягивая пиво «Сан-Мигель» и слушая Шаляпина (как ни странно, испанский миллионер очень уважает Шаляпина), будет изумляться тому, как живут в России простые журналисты затрапезных газет... Я буду одета в приличествующее случаю открытое вечернее платье цвета индиго, которое сшила мне к прошлому Рождеству Оксанка, а на пальце будет поблескивать кольцо с сапфиром, подаренное перед смертью бабушкой Верой. Сапфир очень подойдет к цвету платья...

Кольцо! Кольцо с изумрудом к четвергу!

Некстати всплыло неприятное воспоминание о Мигуновой и юбилее газеты, и ласкающие воображение мысли сразу куда-то испарились. Я вздохнула и потянулась за второй сигаретой. Откуда же взять кольцо?..

Бабушкино кольцо с сапфиром выдать за него нельзя – Мигунова неоднократно его видела, да и сапфир – не изумруд. К тому же, оно простенькое и совсем не антикварное. А другого у меня нет.

Интересно, можно ли продать что-нибудь из имущества отца? Тут все, за что ни возьмись, стоит баснословных денег – фарфор, столовые приборы, подсвечник, картины... Но я ведь пока не наследница...

Ну, а кто это заметит? Если я продам, скажем, одну золотую ложечку?..

В прихожей раздался звонок телефона. Не иначе как Корсаков, больше некому. Чуть не свалив дубовый стул, я быстро захромала на клич адвоката.

Разумеется, это был именно он.

– Рад слышать вас, дорогая фройлейн. Как поживаете?

– Ничего, потихоньку.

Как вовремя он позвонил! Сейчас спрошу у него о продаже ложки.

– Надеюсь, нашли время прочесть завещание?

Мне было неловко признаться, что я даже не помню, где оно.

Он почувствовал заминку с ответом и протянул:

– Чувствую, что нет. Странно, очень странно!

– А что здесь странного? Вы же мне все рассказали...

Он издал раскатистый смешок.

– Я изложил содержание завещания лишь в общих чертах.

Я слегка растерялась.

– А что, есть какие-то частности?..

– Ну конечно есть, фройлейн Марта. Я уже упоминал, что квартира – только часть завещанного, и полагал, что вы уже забрали из банка деньги...

– Какие деньги? – изумилась я.

– Сбережения вашего отца, один миллион восемьсот тысяч евро. Они тоже теперь принадлежат вам.

– Сколько?! – Я схватилась за ручку двери кабинета, чтобы не упасть на пол.

– Разумеется, отец оставил сбережения в немецких марках, но в пересчете на современные деньги получится приблизительно названная мною сумма.

Я никак не могла прийти в себя. *МИЛЛИОН ВОСЕМЬСОТ ТЫСЯЧ ЕВРО!* Завтра получу их в банке, куплю кольцо, машину, соболью шубу, бриллиантовое кольцо, норковое манто, сумку из крокодиловой кожи и туфли от Пьера Кардена. И приеду в четверг на юбилей газеты. Мигунову увезут на скорой и откачают только к утру... А утром я куплю редакцию.

– ...Оглохла, что ли?! – прорезалось второе «я» служителя Фемиды.

– Простите, задумалась... А... деньги принадлежат мне уже сейчас или тоже надо ждать двадцатипятилетия?..

Когда же оно наступит?!

– О нет, нет! Двадцатипятилетия ждать не нужно. Это условие касается только квартиры. Деньги же и драгоценно-

сти принадлежат вам с момента вручения завещания.

– А юридические формальности?.. Ведь в наследство надо как-то вступать...

– Все формальности соблюдены. Вы же подписали бумаги, помните?

Я смутно припомнила, будто подписывала что-то.

А что это он там сказал про драгоценности?..

– Кроме указанной денежной суммы вам принадлежат несколько ювелирных украшений.

– А...

– Деньги и драгоценности находятся в банке Фридриха Якобса. В воскресенье банк не работает, а в понедельник с утра – милости просим. Ключ от банковской ячейки в кабинете, в правом верхнем ящике стола. Кстати, вам не одиноко в таком огромном помещении? – внезапно перешел он на другую тему.

– Есть немного, – призналась я, мечтая, чтобы скорее наступил понедельник.

Придется ненадолго отпроситься с работы, чтобы зайти в банк... Ведь редакцию я куплю только в пятницу. Я невольно улыбнулась.

– Ничто не тревожит?

Тревожит, и даже очень... А с чего вдруг эти вопросы?

– Нет, ничего... – ответила я, явно кривя душой.

– Вот и славно.

На этот раз он, наверно, не захотел копаться в залежах

моих мыслей.

– Как вам понравился портрет?

– Безумно понравился.

Мне почудилось легкое дыхание за левым плечом.

Что это?!

Не оборачивайся!

Ноги мгновенно стали ватными.

– Ну что вы опять умерли?! Какого вы мнения о портрете?

Сзади послышался едва уловимый слухом шелест, и в полумраке возле гостиной мелькнула смутная тень.

Я, остановив глаза, стояла не шевелясь и не могла произнести ни слова.

– Марта Вильгельмовна! – надрывался абонент на том конце провода.

– Да, – машинально отозвалась я, не отрывая взгляда от двери гостиной.

– С вами все в порядке?

– Что?..

– Вы не заболели?

– Не знаю, – ответила я и повесила трубку.

Ноги сами понесли меня в гостиную.

Зачем я туда иду? Я же хотела полежать в ванне, а потом посмотреть телевизор!..

Но какая-то сила неумолимо влекла сквозь полутемную прихожую, и я сама не заметила, как приблизилась к двойным дверям из мореного дуба.

Нечего мне там делать! – из последних сил отчаянно убеждала я себя.

Но какие-то чужие мысли хозяйничали в голове; чужая воля управляла телом.

Двери без скрипа отворились, и сама того не желая, я вошла в гостиную. Из большого, наполовину зашторенного, окна комнату заливал сумеречный свет стремительно угасающего дня, бледно озарявший картины и папирусы на стенах. На потолке, диване и креслах уже лежали темные тени.

И стояла гробовая тишина, которую нарушал только ход старинных часов.

В этой темноте и тишине я неверными шагами подошла к портрету.

Очертания пейзажа и фигуры на его фоне были едва видны, но еще вполне различимы, и я увидела знакомые лес, реку, зеленый луг.

Отец стоял на мосту в той же позе.

Ну все, посмотрели – и будет!

Но он опять будто поймал мои глаза в ловушку.

Куда ты спешишь, Марта?

Пусти меня!

Упавший из окна и тут же исчезнувший яркий луч на миг исказил красивое бледное лицо отца, и мне показалось, будто он усмехнулся.

Преодолевая невероятное сопротивление, я изо всех сил пыталась перевести взгляд, но это было сильнее меня.

Я как замороженная смотрела в его глаза, а он опять смотрел на меня без усмешки, спокойно и строго.

Внезапно лес за его спиной шелохнулся.

Я судорожно сглотнула слюну.

Померещилось?..

Вдруг комната начала быстро наполняться ароматами; в нос ударил резкий запах аптечной ромашки, затем слабо повеяло клевером, тут же его перебил тысячелистник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.